

Джордж Грот

**Истории Греции.
Том 7**

Джордж Грот

Истории Греции. Том 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72583627

SelfPub; 2025

Аннотация

Седьмой том «Истории Греции» Джорджа Грота посвящен критическому периоду Пелопоннесской войны: от непрочного Никиева мира до катастрофы афинской экспедиции в Сицилии и последующего олигархического переворота в Афинах. Грот детально анализирует роковые решения ключевых фигур – нерешительного Никия и авантюрного Алкивиада, – приведшие к стратегическому перелому в войне. Том считается классикой историографии благодаря глубокому критическому анализу на основе труда Фукидида и комплексному взгляду на военные, дипломатические и внутрисполитические аспекты конфликта.

Содержание

Седьмой том «Истории Греции» Джорджа Грота.	4
Содержание	6
Глава LV. ОТ НИКИЕВА МИРА ДО ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 90-й ОЛИМПИАДЫ.	27
Глава LVI. ОТ ОЛИМПИЙСКОГО ПРАЗДНИКА ДЕВЯНОСТОЙ ОЛИМПИАДЫ ДО БИТВЫ ПРИ МАНТИНЕЕ.	96
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Джордж Грот

Истории Греции. Том 7

Седьмой том «Истории Греции» Джорджа Грота.

Седьмой том фундаментального труда Джорджа Грота «История Греции» занимает центральное место в его многотомной работе, посвящённой ключевому и переломному периоду Пелопоннесской войны. Этот том получил высокую оценку в историографии как образец критического анализа и нарративного мастерства. Грот, будучи сторонником афинской демократии, тем не менее стремится к объективности, тщательно взвешивая действия всех сторон. Его работа стала ответом на традиционную проспартанскую интерпретацию истории, господствовавшую до него (например, у Уильяма Митфорда), и заложила основы современного научного подхода к изучению Древней Греции, основанного на скрупулёзной работе с первоисточником – текстом Фукидида. Грот не просто пересказывает события, но предлагает их глубокий психологический и политический анализ, оценивая мотивы и решения ключевых фигур, таких как Никий и Алкивиад.

Содержание тома охватывает драматический отрезок ис-

тории от Никиева мира 421 г. до н. э. до олигархического переворота Четырѐхсот в Афинах в 411 г. до н. э. Центральными сюжетами являются непрочный и быстро распадающийся мир между Афинами и Спартой, сложная дипломатическая игра с участием Аргоса и других полисов, битва при Мантинее 418 г. до н. э., восстановившая военный престиж Спарты, и ключевое событие всей войны – катастрофическая для Афин Сицилийская экспедиция (415–413 гг. до н. э.). Грот детально анализирует причины, ход и последствия этого похода, возлагая ответственность за провал как на авантюризм и непостоянство Алкивиада, так и на пассивность и нерешительность Никия. Особое внимание уделено осаде Сиракуз, прибытию спартанского полководца Гилиппа и финальной гибели афинского флота и армии. Том завершается анализом последствий сицилийской катастрофы: резким изменением стратегического баланса в пользу Спарты, началом персидского вмешательства в конфликт по инициативе Алкивиада, перешедшего на сторону Спарты, и ростом внутренней напряжѐнности в Афинах, что привело к подготовке олигархического заговора. Грот мастерски связывает военные и дипломатические перипетии с внутренней политикой и общественными настроениями в греческих полисах, создавая комплексную и убедительную картину эпохи.

Содержание

Часть II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Глава LV. ОТ НИКИЕВА МИРА ДО ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 90-й ОЛИМПИАДЫ.

Переговоры о мире зимой после битвы при Амфиполе. – Мир, названный Никиевым миром, заключён в марте 421 г. до н. э. Условия мира. – Мир принят в Спарте большинством членов Пелопоннесского союза. – Наиболее могущественные члены союза отказываются принять перемирие: беотийцы, мегарцы, коринфяне и элейцы. – Положение и настроение лакедемонян: их сильное стремление к миру, их неопределённые отношения с Аргосом. – Действия лакедемонян по исполнению условий мира: Амфиполь не возвращён Афинам, главные союзники Спарты не признают мира. – Отдельный оборонительный союз между Спартой и Афинами. – Условия союза. – Афины возвращают спартанских пленных. – Неумелое управление политическими интересами Афин Никием и партией мира. – По условиям союза Афины отказались от всех преимуществ своего положения по отношению к лакедемонянам, не получив ожидаемых уступок, в то время как спартанцы извлекли выгоду. – Недовольство и протесты афинян против Спарты из-за невыполнения условий; они раскаиваются в выдаче пленного – оправдания Спарты. – Новые комбинации в Пелопоннесе:

подозрения в тайном стоворе между Спартой и Афинами – Аргос выдвигается на первый план; положение Аргоса; аристократическое правление тысячи. – Коринфяне убеждают Аргос возглавить новый Пелопоннесский союз. – Съезд мятежных пелопоннесских союзников в Коринфе; мантинейцы присоединяются к Аргосу; положение Аркадии – соперничество Тегеи и Мантинеи. – Возражения лакедемонских послов на съезде в Коринфе; защита коринфян; предлог религиозных опасений. – Беотийцы и мегарцы отказываются порвать со Спартой или вступить в союз с Аргосом; коринфяне колеблются. – Элейцы становятся союзниками Аргоса; причины этого – отношения с Лепреем; коринфяне также присоединяются к Аргосу. – Отказ Тегеи отделиться от Спарты. – Коринфяне падают духом; их обращение через беотийцев к Афинам. – Лакедемоняне освобождают аркадских подданных Мантинеи; они поселяют брасидовых илотов в Лепрее. – Обращение со спартанскими пленными после их освобождения и возвращения в Спарту: их временно и частично лишают гражданских прав. – Афиняне вновь захватывают Скиону; казнят всех взрослых мужчин. – Политические отношения в Пелопоннесе; смена эфоров в Спарте; новые эфоры враждебны Афинам. – Съезд в Спарте; присутствуют послы Афин, Беотии и Коринфа; долгие дебаты, но ни один спорный вопрос не решён; интриги антиафинских эфоров – Клеобула и Ксенара. – Эти эфоры тайно пытаются через беотийцев заключить союз между Спартой и Аргосом; план про-

валивается. – Лакедемоняне заключают особый союз с беотийцами, нарушая тем свой союз с Афинами; беотийцы разрушают Панакт. – Обращение аргосцев к Спарте с просьбой возобновить истекающий договор; проект возобновления согласован. Любопытное условие о поединке для сохранения вопроса о правах на Фирею. – Лакедемонские послы сначала отправляются в Беотию, затем в Афины; они обнаруживают Панакт разрушенным; требуют у Афин уступки Пилоса. – Послы плохо приняты в Афинах; гневные настроения против лакедемонян. – Алкивиад выступает как лидер партии; его образование и характер. – Большая энергия и способности Алкивиада в государственных делах; его расточительность; незаконное поведение; беспринципность, вызывающая подозрения и тревогу; военная служба. – Алкивиад, Сократ и софисты. – Противоречивые чувства к Алкивиаду: восхищение, страх, ненависть и зависть; его выдающиеся энергия и талант. – Алкивиад пытается возобновить древнюю, но прерванную связь своих предков с Лакедемоном как проксен. – Спартанцы отвергают его предложения; он обращается против них, меняет политику и становится их врагом в Афинах. – Он пытается склонить Афины к союзу с Аргосом. – Убеждает аргосцев отправить послов в Афины; аргосцы охотно принимают это предложение и прекращают переговоры со Спартой. – Посольство лакедемонян в Афины с требованием не разрывать союз; послы приняты благосклонно. – Хитрость, с помощью которой Алкивиад обманы-

вает послов, позорит их и срывает спартанский план; возмущение афинян против Спарты. – Никий убеждает народное собрание отправить его и других послами в Спарту для разрешения затруднений. – Провал посольства Никия в Спарте; Афины заключают союз с Аргосом, Элидой и Мантинеей. – Условия этого соглашения и союза. – Сложные отношения между греческими государствами в вопросах договоров и союзов. – Олимпийские игры 90-й Олимпиады, июль 420 г. до н.э., их памятный характер. – Первое появление Афин на Олимпийских играх с начала войны; грандиозное участие Алкивиада в гонках колесниц. – Элейцы исключают спартанское священное посольство из игр за нарушение олимпийского перемирия. – Опасения на играх, что спартанцы явятся с оружием. – Упавший авторитет Спарты в Греции; Гераклея.

Глава LVI. ОТ ПРАЗДНИКА 90-й ОЛИМПИАДЫ ДО БИТВЫ ПРИ МАНТИНЕЕ.

Новая политика Афин, предложенная Алкивиадом. – Поход Алкивиада вглубь Пелопоннеса. – Нападение Аргоса и Афин на Эпидавр. – Действия спартанцев и аргивян. – Священный месяц Карнея – хитрость аргивян с их календарём – конгресс в Мантинее для заключения мира – переговоры оказываются безрезультатными. – Афинское господство на море – союз между Афинами и Спартой сохраняется формально, но косвенно нарушается обеими сторонами. – Вторжение в Аргос Агиса и лакедемонян, беотий-

цев и коринфян. – Приближение захватчиков к Аргосу разными маршрутами. – Превосходство сил и выгодная позиция захватчиков – опасность для Аргоса – Агис берёт на себя инициативу предоставить аргивянам перемирие и отводит войско – недовольство союзников. – Жёсткая критика Агиса по возвращении в Спарту. – Запоздалое прибытие Алкивиада, Лахета и других с афинским контингентом в Аргос – поход афинян, элейцев, мантинейцев и аргивян против аркадского города Орхомена. – Планы против Тегеи – элейцы возвращаются домой. – Опасность для Тегеи – Агис и лакедемоняне выступают на помощь. – Манёвры Агиса, чтобы вынудить противника к битве на равных условиях. – Продвижение вперёд и новая позиция аргивян. – Лакедемоняне застигнуты врасплох: их быстрое и чёткое построение в боевой порядок. – Иерархия командования и ответственности, характерная для лакедемонского войска. – Боевая линия лакедемонян: привилегированное положение скиритов на левом фланге. – Неопределённая численность обеих армий. – Предбоевые речи командиров. – Битва при Мантинее. – Приказ Агиса в последний момент перед битвой; его приказ не выполнен. Его левый фланг разбит. – Полная победа лакедемонян в итоге. – Огромное влияние победы на восстановление репутации Спарты. – Действия аргивян, элейцев и других близ Эпидавра. – Политические изменения в Аргосе после битвы при Мантинее. – Олигархический заговор «Тысячного полка» в Аргосе в сговоре с ла-

кедемонянами. – Договор о мире между Спартой и Аргосом. – Союзный договор между Спартой и Аргосом – расторжение союза Аргоса с Афинами, Мантинеей и Элидой. – Подчинение Мантинее Спарте. – Олигархический переворот, осуществлённый «Тысячей» в Аргосе при поддержке лакедемонян. – Олигархия в Сикионе и городах Ахайи. – Насилия «Тысячи» в Аргосе: контрпереворот в городе: восстановление демократии. – Действия восстановленного аргосского демоса: медлительность Спарты. – Алкивиад в Аргосе: меры по защите демократии. – Формальный мир, но нестабильные отношения между Афинами и Спартой. – Отношения Афин с Пердиккой Македонским. – Халатность Афин в отношении Амфиполя: недалёковидность Никия и мирной партии: авантюрные планы Алкивиада. – Предполагаемое остракическое противостояние между Никием и Алкивиадом. Предложение, поддержанное Гиперболом. – Постепенное забвение остракизма по мере укрепления демократии. – Осада Мелоса афинянами. – Диалог, приведённый Фукидидом, между афинскими послами и Советом Мелоса. – Речь, переданная Фукидидом как произнесённая афинскими послами [с. vi] – с ответами мелосцев. – Отказ мелосцев подчиниться. – Осада и взятие Мелоса. – Замечания по поводу этого события. – Взгляд Фукидида на этот эпизод. – Место, которое он занимает в общей исторической концепции Фукидида.

Глава LVII. СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ ПРЕКРА-

ЩЕНИЯ ДИНАСТИИ ГЕЛОНОВ.

Изгнание династии Гелонов из Сиракуз и других тиранов из прочих сицилийских городов. – Крупные изменения в составе населения – последствия этого факта. – Относительное могущество и положение сицилийских городов. Политические раздоры в Сиракузах. Попытка введения остракизма и его отмена. – Могущество Сиракуз и их внешние завоевания. – Сикелы во внутренних районах Сицилии – сикельский князь Дукетий – он основывает новый сикельский город Палике. – Походы Дукетия – его поражение и пленение сиракузянами, которые сохраняют ему жизнь и отправляют в Коринф. – Дукетий нарушает слово и возвращается в Сицилию. – Завоевания Сиракуз во внутренних районах Сицилии – смерть Дукетия. – Процветание и могущество Акраганта. – Интеллектуальное движение в Сицилии – Эмпедокл – Тисий – Коракс – Горгий. – Сицилийские города – их состояние и действия при первом начале Пелопоннесской войны, 431 г. до н.э. – Отношения Сицилии к Афинам и Спарте – их изменение из-за конфликта между Коринфом и Керкирой и вмешательства Афин. – Ожидания Спарты получить помощь от сицилийских дорийцев в начале Пелопоннесской войны. Ожидания не оправдались. – Дорийские города Сицилии нападают на ионийские города Сицилии. – Ионийские города Сицилии обращаются за помощью к Афинам – первая афинская экспедиция в Сицилию под командованием Лахета. – Вторая экспедиция под командова-

нием Пифодора. – Неудачные операции около Мессены и Регия. – Поражение мессенцев наксосцами и сикелами близ Наксоса. – Евримедон и Софокл с более крупным афинским флотом прибывают в Сицилию. – Конгресс сицилийских городов в Геле. Речь Гермократа. – Заключение всеобщего мира между сицилийскими городами. Евримедон соглашается с миром и отводит афинский флот. – Недовольство афинян Евримедоном и его коллегами. – Внутренние раздоры в Леонтинах – изгнание демоса Леонтин при помощи Сиракуз. – Обращение леонтинского демоса за помощью к Афинам. Афиняне отправляют Феака для разведки. – Леонтины обезлюдели – демос изгнан – леонтинские изгнанники в Афинах. – Война между Селинунтом и Эгестой – последняя обращается за помощью к Афинам. – Обещания эгестейцев: мотивы, побудившие Афины вмешаться в сицилийские дела. – Алкивиад горячо поддерживает их дело и советует вмешательство. – Афиняне отправляют инспекционных комиссаров в Эгесту – обман, устроенный эгестейцами, чтобы ввести их в заблуждение. – Возвращение комиссаров в Афины – впечатление от их доклада. Принято решение отправить экспедицию в Сицилию. – Затруднительное положение Никия как противника экспедиции. – Речь Никия на втором собрании афинян. – Ответ Алкивиада. – Собрание склоняется в пользу взглядов Алкивиада – подтверждает решение о походе в Сицилию. – Вторая речь Никия – преувеличение трудностей и опасностей экспедиции и требование максимально

крупных сил. – Эффект этой речи – возросшее рвение собрания к экспедиции – порядок и единодушие в отношении плана. – Волнение в городе среди всех классов – значительное увеличение масштабов планируемой экспедиции. – Крупные приготовления к экспедиции. – Обзор этих предварительных событий перед Сицилийской экспедицией. – Совет и влияние Никия. – Совет и влияние Алкивиада. – Афины считали себя вправе быть владыками островов так же, как и моря.

Глава LVIII. ОТ РЕШЕНИЯ АФИНЯН НАПАСТЬ НА СИРАКУЗЫ ДО ПЕРВОЙ ЗИМЫ ПОСЛЕ ИХ ПРИБЫТИЯ В СИЦИЛИЮ.

Приготовления к экспедиции против Сицилии – всеобщий энтузиазм и радужные надежды в Афинах. – Изобилие в афинской казне – демонстрация богатства и силы в снаряжении флота. – Повреждение герм в Афинах. Число и святость герм. – Сильное возбуждение и религиозная тревога, вызванные этим актом в Афинах. – Авторы акта неизвестны – но он точно был совершён умышленно и по заговору. – Различные группы под подозрением – высокая вероятность того, что это заставит афинян отказаться или отложить экспедицию. – Политические враги Алкивиада используют царившее возбуждение, чтобы попытаться его погубить. – Стремление афинян раскрыть и наказать заговорщиков – награды за информацию. – Поступают доносы – назначают следователи. – Первое обвинение Алкивиада в осквернении и разглашении Элевсинских мистерий. – Резкие вы-

ступления в народном собрании против Алкивиада встречены неодобрительно. – Он отрицает вину и требует немедленного суда – его требование уклончиво отклонено врагами. – Отплытие флота из Пирея – великолепие и волнующий характер зрелища. – Прощальные обряды на кораблях и на берегу. – Полный сбор флота у Керкиры. – Движение к Регию – холодный приём в итальянских городах. – Настроения в Сиракузах относительно приближающегося флота – склонность преуменьшать его масштаб и даже сомневаться в его прибытии. – Настойчивые призывы Гермократа быть готовыми. – Настроения и группировки в сиракузском собрании. – Ответ Афинагора, народного оратора. – Вмешательство стратегов для смягчения остроты спора. – Позиция Афинагора и других группировок в Сиракузах. – Миротлюбивые настроения Афинагора. – Его общие обвинения против олигархической молодёжи были обоснованны. – Активные приготовления в Сиракузах при приближении афинского флота. – Упадок духа афинян в Регию при известии о бедности Эгесты. – Афинские стратеги обсуждают план действий – мнение Никия. – Мнение Алкивиада. – Мнение Ламаха. – Проницательность Ламаха – предпочтение отдано плану Алкивиада. – Алкивиад в Мессене – Наксос присоединяется к афинянам. Бесплезная демонстрация флота. – Алкивиад в Катане – афиняне овладевают Катаной – устраивают там свою базу. Отказ Камарины. – Алкивиад вызывается на суд в Афины. – Настроения и события в Афинах после

отплытия флота. – Число граждан, арестованных по подозрению – усиление смятения в обществе. – Писандр и Харикл – следователи. – Донос Диоклида. – Новые аресты – усиление страха в городе – Андокид среди арестованных. – Андокид, по просьбе сокамерников, решает дать показания – соглашается. – Андокид называет виновников повреждения герм – последствия его разоблачений. – Сомнительная достоверность показаний Андокида о том, что он сам сообщил. – Вера афинян в его показания – их успокаивающий эффект. – Возобновление тревоги касательно осквернителей Элевсинских мистерий. – Возобновление обвинения против Алкивиада. – Обвинительный акт, поданный Фессалом, сыном Кимона, против Алкивиада. – Решение вызвать Алкивиада из Сицилии для суда. – Алкивиад покидает армию, якобы для возвращения, но бежит в Фурии и удаляется в Пелопоннес. – Поведение афинского народа в отношении Алкивиада – насколько оно заслуживает порицания. Поведение его врагов. – Вред Афинам от изгнания Алкивиада. – Вялые действия сицилийской армии под началом Никия. – Рост уверенности и приготовлений в Сиракузах из-за промедления Никия. – Манёвр Никия из Катаны – высадка его сил в Большой гавани Сиракуз. – Возвращение сиракузской армии из Катаны в Большую гавань – приготовления к битве с Никием. – Чувства ветерана. – Речь Никия. – Битва у Олимпиейона – победа афинян. – Непокколебимая уверенность сиракузян – они занимают гарнизоном Олимпиейон –

Никий сажает армию на корабли и возвращается в Катану. – Он решает зимовать в Катане и запрашивает подкрепление конницы из Афин. – Его неудача в Мессене из-за предательства Алкивиада. – Полезный урок сиракузянам после поражения – вред афинянам от промедления Никия. – Уверенность афинян в Никии – их бодрое настроение – они высылают запрошенные подкрепления. – Решительный настрой в Сиракузах – улучшение оборонительных мер – предложения Гермократа. – Расширение укреплений Сиракуз. Улучшение их положения. Увеличение трудностей для Никия. – Гермоkrat и Евфем – встречные посольства в Камарине. – Речь Евфема. – Камаринейцы сохраняют практический нейтралитет. – Зимние действия Никия из Катаны. – Сиракузские послы отправлены за помощью в Коринф и Спарту. – Алкивиад в Спарте – его глубокая враждебность к Афинам. – Речь Алкивиада в собрании лакедемонян. – Сильное впечатление от его речи на пелопоннесцев. – Искажения в его речи. – Решения спартанцев. – Лакедемоняне отправляют Гиллиппа в Сиракузы.

Глава LIX. ОТ НАЧАЛА ОСАДЫ СИРАКУЗ НИКИЕМ ДО ВТОРОЙ АФИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ДЕМОСФЕНА И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ОБЩЕЙ ВОЙНЫ.

Действия Никия ранней весной. – Местное положение и укрепления Сиракуз к моменту прибытия Никия. – Внутренний и внешний город. – Территории за стенами внеш-

него города – Эпиполы. – Возможности осады при первом прибытии Никия в Сицилию – усложнение обстановки из-за его промедления. – Возросшее значение возвышенности [р. ix] Эпипол. Намерение сиракузян занять вершину Эпипол. – Вершина неожиданно захвачена афинянами. – Успех этой внезапной атаки был критически важен для дальнейшего эффективного ведения осады. – Первые операции осады. – Центральное укрепление афинян на Эпиполах, называемое «Круг». – Первая контрстена сиракузян. – Её направление, южнее афинского Круга – её завершение. – Она штурмуется, захватывается и разрушается афинянами. – Никий занимает южный утёс – и продолжает свою линию блокады к югу от Круга. – Вторая контрстена сиракузян – протянувшаяся через болото к югу от Эпипол до реки Анап. – Эта контрстена атакована и захвачена Ламахом – общее сражение – гибель Ламаха. – Опасность для афинского Круга и Никия – победа афинян. – Вход афинского флота в Большую Гавань. – Южная часть стены блокады, через болото до Большой Гавани, продолжается и почти завершается. – Сиракузяне больше не оказывают сопротивления – уныние в Сиракузах – усиление блокады. – Последовательность осадных операций, предпринятых афинянами. – Триумфальные перспективы афинян. Настроение сикулов и италийских греков в их пользу. – Поведение Никия – его осведомители внутри Сиракуз. – Уверенность Никия – относительная вялость его действий. – Приближение Гилиппа – он отчаивается спа-

сти Сиракузы. – Продвижение Гилиппа, несмотря на неутешительные донесения. – О приближении Гилиппа становится известно Никию. Возможность предотвратить его дальнейшее продвижение – Никий пренебрегает им и позволяет ему беспрепятственно подойти. Он высаживается в Гимере на Сицилии. – Недальновидность Никия – грубейшая ошибка, позволившая Гилиппу войти. – Гилипп собирает войско и идёт через Сицилию от Гимеры к Сиракузам. – Коринфянин Гоггил прибывает в Сиракузы раньше Гилиппа – как раз вовремя, чтобы помешать городу капитулировать. – Гилипп со своим новым войском беспрепятственно входит в Сиракузы. – Необъяснимое бездействие Никия. – Энергичные и агрессивные действия Гилиппа сразу по прибытии. – Гилипп неожиданно захватывает афинский форт Лабдалум. – Он начинает строительство третьей контрстенны к северу от афинского Круга. – Никий укрепляет мыс Племирий. – Неудобства Племирия как морской базы – ущерб, нанесённый афинской морской мощи. – Действия Гилиппа в поле – его поражение. – Его решительная победа – афиняне заперты в своих укреплениях. Сиракузская контрстена продвигается так далеко, что перерезает афинскую линию блокады. – Дополнительные укрепления, возведённые Гилиппом, соединяющие верхнюю часть Эпипол с городской стеной. – Уверенность Гилиппа и сиракузян – агрессивные планы против афинян, даже на море. – Упадок духа у Никия и афинян. – Никий отправляет в Афины депешу с просьбой

о подкреплении. – Депеша Никия афинскому народу. – Решение афинян отправить Демосфена со второй экспедицией. – Замечания по поводу депешы Никия. – Предыдущие депешы Никия. – Влияние его депешы на афинян. – Отношение афинян к Никию. – Роковая ошибка, совершённая афинянами. – Враждебные действия Спарты неизбежны и приближаются. – Решение Спарты немедленно вторгнуться в Аттику и отправить дополнительные подкрепления в Сицилию.

Глава LX. ОТ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРЯМЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ МЕЖДУ АФИНАМИ И СПАРТОЙ ДО РАЗГРОМА АФИНСКОЙ АРМИИ В СИЦИЛИИ.

Активные военные приготовления по всей Греции зимой 414–413 гг. до н. э. – Вторжение Агиса и пелопоннеского войска в Аттику – укрепление Декелеи. – Вторая экспедиция Афин против Сиракуз под командованием Демосфена. – Действия Гилиппа в Сиракузах. Он решает атаковать афинян на море. – Морское сражение в гавани Сиракуз – победа афинян. – Гилипп внезапно захватывает Племмирий. – Важные последствия этого захвата. – Возросший боевой дух и уверенность сиракузян, даже в морских битвах. – Усилия сиракузян получить дополнительные подкрепления из сицилийских городов. – Столкновения между афинянами и сиракузянами в Большой Гавани. – Разгром сицилийского подкрепления, направлявшегося на помощь Сиракузам – Новая атака Гилиппа на афинян.

Невыгодное положение афинского флота в гавани. Их

морская тактика неприменима в узком пространстве. – Улучшения сиракузских кораблей, адаптированные к тесному пространству. – Сиракузяне угрожают атаковать афинскую морскую базу. – Дополнительные приготовления Никия – возобновление битвы. – Полное поражение афинян. – Опасность для афинской армии – прибытие Демосфена со второй армией. – Путь Демосфена из Керкиры. – Впечатляющий эффект его входа в Большую Гавань. – Возрождение боевого духа афинян. Разумные и решительные решения Демосфена. – Позиция и планы Демосфена.

Ночной марш Демосфена для внезапного захвата Эпипол и обхода сиракузской линии обороны. – Первоначальный частичный успех – окончательное сокрушительное поражение. – Дезорганизация афинян – большие потери при отступлении. – Воодушевление сиракузян и новые наступательные планы. – Совещание и разногласия афинских стратегов. – Демосфен настаивает на уходе из Сицилии – Никий противится. – Демосфен требует хотя бы выхода из Большой Гавани. – Никий отказывается согласиться на это. – Армия остаётся в Большой Гавани, без действий и отступления. – Ослеплённость Никия.

Усиление сил и уверенности Сиракуз. – Никий наконец соглашается на отступление. Приказы об отступлении тайно распространяются. – Лунное затмение – отступление афинян откладывается. – Затмения как знамения – разные толкования – мнение Филохора. – Новые атаки сиракузян – по-

ражение афинского флота в Большой Гавани. – Частичный успех на суше против Гилиппа.

Сиракузяне решают заблокировать выход из гавани, чтобы уничтожить или захватить всю афинскую армию. – Широкие замыслы сиракузян против могущества Афин – новые угрозы, теперь угрожающие этому могуществу. – Огромное количество и разнородное происхождение воинов, сражающихся за или против Сиракуз. – Сиракузяне блокируют выход из гавани.

Афиняне решают прорваться – приготовления стратегов. – Напутствие Никия при посадке экипажей. – Агония Никия – его попытки воодушевить командиров. – Смелая и воодушевляющая речь Гилиппа к сиракузскому флоту. – Сиракузские приготовления. [стр. xi]

Состояние Большой Гавани – сочувствующее население вокруг. – Попытка афинского флота прорваться – битва в Большой Гавани. – Долгая и отчаянная схватка – сильные эмоции – полный разгром афинян. – Военные действия древности – сильные чувства, их сопровождавшие. – Причины поражения афинян. – Чувства победителей и побеждённых после битвы.

Решение Демосфена и Никия предпринять вторую попытку – армия слишком деморализована, чтобы подчиниться. – Афиняне решают отступить по суше – откладывают отступление из-за ложных сообщений из Сиракуз. – Сиракузяне блокируют дороги, чтобы отрезать путь к отступлению.

Отступление афинян – жалкое состояние армии. – Страдания из-за оставленных больных и раненых. – Попытки стратегов сохранить порядок – энергия Никия. – Напутствие Никия страдающей армии. – Начало отступления – преследование и помехи со стороны сиракузян. – Продолжающиеся стычки – армия не продвигается.

Сильная буря – её влияние на обе стороны – перемена настроений за последние два года. – Ночной марш афинян в изменённом направлении к южному морю. – Разделение армии на две части под командованием Никия и Демосфена. Первая часть (Никия) переправляется через реку Эриней. – Задняя часть (Демосфена) преследуется, настигается и вынуждена сдаться.

Гилипп настигает и атакует отряд Никия. – Никий достигает реки Асинар – невыносимая жажда и страдания солдат – он и его отряд попадают в плен. – Общее число пленных. – Жестокое обращение и страдания афинских пленных в Сиракузах.

Обращение с Никием и Демосфеном – разногласия среди победителей. – Влияние коринфян – усилия Гилиппа – оба стратега убиты. – Посмертный позор Никия в Афинах – сохранившееся уважение к памяти Демосфена. – Мнение Фукидида о Никии. – Насколько это мнение справедливо.

Мнение афинян о Никии – их неизменная чрезмерная уверенность и переоценка его, вызванные его респектабельным и религиозным характером. – Чрезмерная вера в Никия

была величайшей личной ошибкой, которую когда-либо совершало афинское общество.

Глава LXI. ОТ РАЗГРОМА АФИНСКОЙ АРМИИ В СИЦИЛИИ ДО ОЛИГАРХИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА ЧЕТЫРЁХСОТ В АФИНАХ.

Последствия гибели афинской армии в Сицилии. – Занятие Декелеи лакедемонянами – её разрушительное влияние на Афины. – Афины превращаются в военный лагерь – тяжёлая военная повинность для граждан. – Финансовое давление. – Афины распускают своих фракийских наёмников – резня в Микалессе. – Фракийцы отброшены с большими потерями фиванцами. – Афинская база в Навпакте – упадок морского превосходства Афин. – Морское сражение близ Навпакта – неопределённый исход. – Последние известия афинян о Сиракузах – гибель армии официально не подтверждена. – Нежелание афинян верить в полный разгром. – Ужас и скорбь в Афинах. – Энергичные решения афинян – Совет пробулов. – Огромное [стр. xii] влияние катастрофы на всех греков – врагов и союзников Афин, нейтралов и даже персов. – Действия царя Агиса. – Эвбейцы обращаются к Агису с просьбой о помощи в восстании против Афин – лесбосцы также просят, но им отдают предпочтение. – Хиосцы с той же целью обращаются в Спарту. – Одновременно прибывают послы от Тиссаферна и Фарнабаза. – Алкивиад в Спарте – его рекомендации убеждают лакедемонян помочь Хиосу. – Съезд пелопоннесских союзников в Ко-

ринфе – принятые меры. – Истмийский праздник – сомнения коринфян – задержка с отправкой помощи Хиосу – подозрения Афин. – Пелопоннесский флот из Коринфа к Хиосу – разгромлен афинянами. – Небольшая эскадра отправляется из Спарты под командованием Халкидея и Алкивиада к Хиосу. – Энергичный совет Алкивиада – его огромная польза для Спарты. – Прибытие Алкивиада на Хиос – восстание острова против Афин. – Большинство хиосцев не желали отпадать от Афин. – Паника в Афинах после восстания Хиоса – афиняне используют зарезервированные средства. – Афинские силы под командованием Стромбихида отправлены на Хиос. – Активность хиосцев в подстрекательстве других союзников к восстанию – Алкивиад склоняет Милет к отпадению. – Первый союз между пелопоннесцами и Тиссаферном, заключённый Халкидеем в Милете. – Позорные и невыгодные условия договора. – Энергичные усилия Афин – демократическая революция на Самосе. – Пелопоннесский флот в Кенхреях – Астиох назначен спартанским навархом в Ионию. – Поход хиосцев против Лесбоса. – Неудача хиосцев – Лесбос удерживается афинянами. – Изнурительные действия афинян против Хиоса. – Тяготы хиосцев – прежнее процветание острова. – Новые силы из Афин – победа афинян под Милетом. – Прибытие новых пелопоннесских сил – афиняне отступают, следуя совету Фриниха. – Захват Иаса пелопоннесцами – богатая добыча – пленение Аморга. – Тиссаферн начинает платить жа-

лованье пелопоннесскому флоту. Он снижает ставку в будущем. – Мощный афинский флот на Самосе – неожиданное восстановление афинского флота. – Астиох на Хиосе и противоположном побережье. – Подарит, спартанский гармот на Хиосе – разногласия с Астиохом. – Астиох покидает Хиос и возвращается в Милет – случайность, спасшая его от афинского флота. – Афиняне создают укрепленный пост на Хиосе для опустошения острова. – Дорий прибывает к побережью Азии с эскадрой из Фурий, чтобы присоединиться к Астиоху – морские стычки у Книда. – Второй договор пелопоннесцев с Тиссаферном, заключенный Астиохом и Ферраменом. – Сравнение второго договора с первым. – Прибытие новой пелопоннесской эскадры под командованием Антисфена в Кавн – Лихас назначен спартанским комиссаром. – Астиох отправляется с флотом из Милета на соединение с новой эскадрой – разгром афинской эскадры под командованием Хармина. – Пелопоннесский флот у Книда – двойная игра Тиссаферна – разрыв с Лихасом. – Пелопоннесский флот захватывает Родос и закрепляется на острове. – Долгое бездействие флота на Родосе – парализующие интриги Тиссаферна – коррупция спартанских командиров.

Часть II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Глава LV. ОТ НИКИЕВА МИРА ДО ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 90-й ОЛИМПИАДЫ.

Моя последняя глава и последний том завершились миром, названным Никиевым миром, заключённым в марте 421 г. до н.э. между Афинами и Спартанским союзом на пятьдесят лет.

Этот мир, согласованный осенью и зимой после поражения афинян при Амфиполе, где погибли и Клеон, и Брасид, стал результатом, с одной стороны, чрезвычайного стремления спартанцев вернуть своих пленных, захваченных при Сфактерии, а с другой – упадка духа афинян, побудившего их прислушаться к мирной партии, действовавшей вместе с Никием. Основным принципом мира была реституция всего захваченного в ходе войны обеими сторонами, за исключением тех мест, которые сдались по капитуляции: согласно этому условию, афиняне, лишившись возможности вернуть Платеи, сохранили за собой Нисею, гавань Мегары. Лакедемоняне обязались вернуть Амфиполь Афинам и разорвать связи с отпавшими союзниками Афин во Фракии, а именно: Аргилом, Стагиром, Аканфом, Сколом, Олинфом и Спартолом. Однако эти шесть городов не должны были становиться союзниками Афин, если не изъявят добровольного согласия,

но обязаны были исправно платить Афинам [стр. 2] дань, первоначально установленную Аристидом, в качестве вознаграждения за защиту Эгейского моря от частных войн или пиратства. Любой житель Амфиполя или других городов, желавший их покинуть, имел на это право и мог забрать своё имущество. Кроме того, лакедемоняне обязались вернуть Афинам Панакт и всех афинских пленных, находившихся в их руках. Что касается Скионы, Тороны и Сермилы, афиняне могли действовать по своему усмотрению. Со своей стороны они обязались освободить всех пленных, находившихся в их руках, будь то спартанцы или их союзники; вернуть Пилос, Киферу, Метону, Птелеон и Аталанту; а также отпустить всех пелопоннесских или брасидовых воинов, блокированных в Скионе.

Особыми статьями также предусматривалось, что все греки должны иметь свободный доступ к общеэллинским священным празднествам как по суше, так и по морю; а автономия Дельфийского храма должна была быть гарантирована.

Договаривающиеся стороны поклялись впредь воздерживаться от любых действий во вред друг другу и улаживать любые возникающие разногласия путём мирных переговоров. [1]

Наконец, было предусмотрено, что если впоследствии обнаружится какое-либо упущение, афиняне и лакедемоняне могут по взаимному согласию изменить договор, как сочтут нужным. После этого клятвы были обменены между семна-

дцатью знатнейшими афинянами и таким же числом знатнейших лакедемонян.

Хотя Спарта сама была горячо заинтересована в мире, и он был утверждён большинством голосов её союзников, всё же влиятельное меньшинство не только отказалось дать своё согласие, но и решительно протестовало против его условий. Коринфяне были недовольны тем, что не получили обратно Соллий и Анакторий; мегарцы – тем, что не вернули Нисею; беотийцы – тем, что Панакт должен был быть возвращён Афинам; элейцы – по какой-то другой причине, которую мы не знаем точно. Кроме того, все они были возмущены статьёй, предусматривавшей, что Афины и Спарта могут по взаимному согласию и без консультаций с союзниками изменять договор как сочтут нужным. [2] [стр. 3] Таким образом, хотя мир был скреплён клятвами, самые могущественные члены Спартанского союза остались несогласными.

Однако настолько силён был интерес самих спартанцев, что, получив одобрение большинства, они решили провести мир, даже рискуя расколом союза. Помимо горячего желания вернуть своих пленных от афинян, их также тревожило то, что их тридцатилетнее перемирие с Аргосом как раз истекало. Они действительно обращались к Аргосу с просьбой о его продлении через Лиха, спартанского проксена этого города. Но аргосцы отказались, выдвинув неприемлемое условие о передаче им пограничной области Кинурии; поэтому

существовали опасения, что эта новая мощная сила может перейти на сторону Афин, если война продолжится. [3]

Соответственно, едва мир был скреплен клятвой, как спартанцы приступили к выполнению его условий. По жребию решалось, должна ли Спарта или Афины первой уступить требуемое, и афиняне вытянули благоприятный жребий: преимущество настолько значительное в данных обстоятельствах, что Теофраст утверждал, будто Никий добился этого подкупом. Нет оснований верить в подобный подкуп; тем более что вскоре мы увидим, как Никий добровольно отказывается от большей части выгод, которые предоставил ему счастливый жребий. [4]

Спартанцы начали выполнение условий с немедленного освобождения всех афинских пленников, находившихся в их руках, и отправили Исхагора с двумя другими послами в Амфиполь и фракийские города. Этим послам было поручено не только объявить о мире, но и обеспечить его соблюдение во фракийских городах, а также приказать Клеариду, спартанскому гармосту в Амфиполе, сдать город афинянам. Однако по прибытии во Фракию послы столкнулись с единодушным сопротивлением: халкидяне как в Амфиполе, так и за его пределами протестовали так энергично, что даже Клеарид отказался подчиниться собственному правительству, ссылаясь на то, что у него недостаточно сил, чтобы сдать город вопреки [стр. 4] сопротивлению халкидян. Полностью обескураженные, послы вернулись в Спарту, ку-

да Клеарид счел благоразумным отправиться вместе с ними – отчасти чтобы оправдать свои действия, отчасти в надежде добиться смягчения условий. Но это оказалось невозможным, и он был отправлен обратно в Амфиполь с категорическим приказом сдать город афинянам, если это вообще возможно; если же это превышает его силы – покинуть его и вывести всех пелопоннесских солдат из гарнизона. Возможно, сдача города действительно была неосуществима при имевшихся у Клеарида силах, поскольку сопротивление населения, несомненно, было упорным. Во всяком случае, он заявил, что это невозможно: войска были отозваны, но афиняне так и не получили Амфиполь, а все условия мира, касавшиеся фракийских городов, остались невыполненными. И это было не все. Послы от отказавшегося подчиниться меньшинства (коринфян и других), получив инструкции, вернулись в Спарту с еще большим неприятием и протестом против несправедливости мира, так что все попытки спартанцев заставить их подчиниться оказались тщетными. [5]

Теперь спартанцы оказались в серьезном затруднении. Не выполнив свою часть договора, они не могли требовать того же от Афин; им грозила двойная неудача: потеря доверия союзников без получения каких-либо выгод от договора. В этой дилемме они решили, рискуя рассердить союзников, установить более тесные и отдельные отношения с Афинами. Враждебности Аргоса, если тот не получит поддержки

Афин, они не опасались; в то же время момент для союза с Афинами был благоприятным, учитывая сильные мирные настроения с обеих сторон, а также известные филолаконские симпатии лидеров Никия и Лахета. Афинские послы оставались в Спарте с момента заключения мира, ожидая выполнения условий; весьма вероятно, что среди них были Никий или Лахет, или оба. Увидев, что Спарта не способна выполнить свои обязательства и договор может быть аннулирован, они, несомненно, поддержали, а может быть, даже и подали [стр. 5] идею отдельного союза между Спартой и Афинами как единственного средства исправить положение, пообещав, что в рамках этого союза спартанские пленники будут возвращены. В результате был заключен пятидесятилетний договор не только о мире, но и о defensive alliance (оборонительном союзе). Каждая сторона обязалась помогать отражать любых захватчиков на территории другой, считать их врагами и не заключать с ними мира без согласия союзника. Это было единственное условие союза, но к нему добавилось еще одно, немаловажное для безопасности Лакедемона: афиняне обязались прилагать все усилия для подавления любых восстаний илотов в Лаконии. Такое условие ярко свидетельствует о беспокойстве лакедемонян по поводу своего зависимого населения, но в данный момент оно имело особую ценность, поскольку обязывало афинян сдерживать, если не выводить, мессенский гарнизон в Пилосе, размещенный там ими самими специально для подстрекательства ило-

тов к восстанию.

Союз с такими немногочисленными и простыми условиями не потребовал долгих обсуждений. Он был заключен вскоре после возвращения послов из Амфиполя, вероятно, не более чем через месяц-два после предыдущего мира. Его скрепили клятвой те же лица с обеих сторон, с аналогичным заявлением о ежегодном возобновлении присяги, а также с оговоркой, что Спарта и Афины по взаимному согласию могут как расширить, так и сократить условия, не нарушая клятвы. [6] Кроме того, договор предписывалось высечь на двух стелах: одну установить в храме Аполлона в Амиклах, другую – в храме Афины на афинском акрополе.

Важнейшим результатом этого нового союза стало то, что [стр. 6] не было прописано в его условиях, но, без сомнения, было оговорено между спартанскими эфорами и Никием в момент его заключения: все спартанские пленники в Афинах были немедленно освобождены. [7]

Ничто не может более ярко продемонстрировать мирные и уступчивые настроения, царящие сейчас в Афинах, а также сильные филолаконские симпатии их ведущих деятелей (в этот момент Алкивиад соперничал с Никием за благосклонность Спарты, о чем будет сказано далее), чем условия этого союза, обязывавшие Афины помогать подавлять илотов, и еще более важное последующее действие – возвращение спартанских пленников. Таким образом, Афины безвозвратно расстались со своим главным козырем и обещали

отказаться от второго по значимости, не получив взамен ничего, кроме клятвы Спарты стать их союзником.

Последние три с половиной года, с момента захвата Сфактерии, обладание этими пленниками давало Афинам решительное преимущество перед их главным врагом; впрочем, это преимущество в определенной степени было нивелировано последующими потерями. Такое положение дел вполне отражалось мирным договором, тщательно обсужденным зимой и скрепленным клятвой в начале весны, который налагал на обе стороны ряд взаимных и сбалансированных уступок. Более того, Афинам повезло в жребии, позволив им дождаться фактического выполнения спартанцами своих обязательств, прежде чем выполнять свои.

Однако Спарта до сих пор не выполнила ни одного из обещанных условий. Более того, при попытке сделать это она продемонстрировала либо отсутствие власти, либо нежелание, ясно показав, что лишь крайняя необходимость заставит ее превратить обещания в реальность. Тем не менее, несмотря на эти явные признаки, Никий убеждает своих сограждан заключить второй договор, который фактически аннулирует первый и бесплатно предоставляет Спарте все основные выгоды первого, почти не требуя от нее взаимных жертв.

Союз со Спартой едва ли можно было считать значимым преимуществом: в текущих условиях, при неопределенных отношениях с Аргосом, [стр. 7] этот союз был не менее це-

нен для самой Спарты, чем для Афин. Не вызывает сомнений, что, сыграй Афины осторожно, они могли бы вернуть Амфиполь в обмен на пленников: ведь неспособность Клеарида передать город (даже если допустить, что это была реальность, а не симуляция) могла быть устранена решительными действиями Спарты совместно с афинским войском, отправленным занять город.

Фактически, Афины теперь соглашались на первоначальное предложение, переданное им лакедемонянами четыре года назад, когда гоплиты были впервые блокированы на Сфактерии, но еще не взяты в плен. Тогда спартанцы не предлагали никакого эквивалента, а лишь заявили через своих послов: «Отдайте нам людей на острове и получите взамен мир вместе с нашим союзом». [8] В тот момент были некоторые правдоподобные доводы в пользу принятия этого предложения, но даже тогда аргументы Клеона против него также были весомыми, когда он настаивал, что Афины вправе добиться лучших условий.

Но сейчас не было никаких причин принимать это предложение, зато было множество причин против. Союз со Спартой не представлял для Афин большой ценности; мир же был для них крайне важен, но мир уже был скреплен клятвами с обеих сторон после тщательных переговоров и теперь требовалось лишь его исполнение. Было достигнуто соглашение о взаимных уступках, дававшее наилучшие шансы на долговременный результат, и удача предоставила

Афинам привилегию получить «плату» до того, как они передадут «товар».

Зачем отказываться от столь выгодной позиции, принимая взамен пустой и бесплодный союз, обязывающий отдать свой самый ценный актив в кредит – кредит, столь же обманчивый в обещаниях, сколь бесполезный в реальности? Этот союз, по сути, помешал выполнению мирного договора: как признает сам Фукидид, [9] это был уже не мир, а просто перемирие.

Фукидид неоднократно отмечал (и это было мнение самого Никия), что в момент заключения Никиева мира положение Спарты по отношению к Афинам было невыгодным и даже унижительным; [10] речь шла прежде всего о пленных в руках Афин, ибо в остальном поражения при Делии и Амфиполе, а также серьезные потери во Фракии перевешивали приобретения Нисеи, Пилоса, Киферы и Метоны.

Но столь безрассудны и близоруки были филолаконские симпатии Никия и тех, кто теперь пользовался доверием в Афинах, что они добровольно отказались от этого преимущества, позволили обмануть Афины в отношении всех тех надежд, которые сами же выдвигали как условие мира, и тем не менее безвозмездно уступили Спарте все, чего она желала.

Бесспорно, если судить по нашим данным, ни одна государственная инициатива Клеона не была столь губительно недалководидной, как этот союз со Спартой и сдача пленных,

в котором сошлись и Никий, и Алкивиад. Вероятно, спартанские эфоры обманывали Никия, а он – афинское собрание, пустыми обещаниями о подчинении во Фракии, ссылаясь на якобы строгие приказы, данные Клеариду.

А теперь, когда пламенный кожевник с его обвинительным красноречием сошел со сцены, оставив после себя лишь недостойного преемника – светильщика [11] Гипербола, а афинский народ остался под безраздельным влиянием граждан знатного происхождения, ведущих род от богов и героев, не нашлось никого, кто мог бы эффективно разоблачить пустоту этих обещаний или настоять на простом и очевидном правиле:

«Ждите, как имеете право ждать, пока спартанцы выполнят свою часть сделки, прежде чем выполнять свою. Или, если вы хотите смягчить некоторые из их обязательств, по крайней мере, настаивайте на главном: Амфиполь в обмен на пленных». [стр. 9]

Афиняне вскоре поняли, как полностью они лишились своего преимущества и главного рычага давления, отдав пленных, что дало Спарте свободу действий, которой она не имела со времени первой блокады Сфактерии.

Тем не менее, при тогдашних эфорах Спарта не совершила никакого *deliberate* or явного нарушения верности. Она отдала приказ Клеариду сдать Амфиполь, если возможно; если нет – оставить его и вернуть пелопоннесские войска. Разумеется, город не был передан Афинам, а лишь остав-

лен, после чего Спарта сочла, что выполнила свой долг перед Афинами в отношении Амфиполя, хотя и поклялась вернуть его, а клятва осталась неисполненной. [12]

Другие фракийские города оказались столь же глухи к ее уговорам и столь же враждебны Афинам. То же самое касалось беотийцев, коринфян, мегарцев и элейцев: однако беотийцы, отказавшись присоединиться к перемирию вместе со Спартой, заключили с Афинами отдельное соглашение о перемирии, расторгжимом с уведомлением за десять дней. [13] В таком положении дел, хотя между Афинами и Пелопоннесом были установлены видимые отношения мира и свободного взаимодействия, недовольство афинян и протесты их послов в Спарте вскоре приобрели серьёзный характер. Лакедемоняне присягнули за себя и своих союзников, однако самые могущественные из этих союзников, чья враждебность была наиболее важна для Афин, оставались непокорными. Ни Панакт, ни афинские пленники в Беотии ещё не были возвращены Афинам; фракийские города также не подчинились миру. В ответ на протесты афинских послов лакедемоняне заявили, что уже освободили всех афинских пленников, находившихся в их руках, и вывели свои войска из Фракии, что, по их словам, исчерпывало их возможности, поскольку они не были хозяевами Амфиполя и не могли принудить фракийские города против их воли. Что касается беотийцев и коринфян, лакедемоняне зашли так далеко, что выразили готовность взяться за оружие вместе с Афинами [14],

чтобы принудить их принять мир, и даже заговорили о назначении срока, после которого эти непокорные государства должны были быть объявлены общими врагами как Спарты, так и Афин. Однако их предложения оставались туманными, и они не соглашались связать себя каким-либо письменным или обязательным документом. Тем не менее, столь велика была их уверенность либо в достаточности этих заверений, либо в уступчивости Никия, что они осмелились потребовать от Афин сдачи Пилоса или, по крайней мере, вывода мессенского гарнизона и перебежчиков-илотов из этого места, оставив там только афинских граждан, пока не будет достигнут дальнейший прогресс в мирном процессе. Но настроение афинян теперь серьёзно изменилось, и они встретили это требование с явной холодностью. Ни одно из условий договора в их пользу ещё не было выполнено, ни одно даже не казалось находящимся в процессе выполнения: так что они начали подозревать Спарту в нечестности и обмане и глубоко сожалели о своей необдуманной сдаче пленных [15]. Их протесты в Спарте, неоднократно повторявшиеся в течение лета, не возымели никакого положительного эффекта: тем не менее, они позволили убедить себя перевести мессенцев и илотов из Пилоса в Кефаллению, заменив их афинским гарнизоном [16].

Афиняне, несомненно, имели веские основания жаловаться на Спарту. Но те, на кого им следовало жаловаться ещё больше, были Никий и их собственные филолаконские

лидеры; которые сначала приняли от Спарты сомнительные в исполнении обещания, а затем – хотя и получили преимущество по жребью в отношении очерёдности уступок и тем самым убедились, что Спарта либо не хочет, либо не может выполнить свои обещания – отказались от всех этих преимуществ и [стр. 11] обеспечили Спарте почти даром единственную выгоду, которая её действительно интересовала. Многие критики греческой истории, считающие, что для демагога Клеона нет слишком резких слов, должны для справедливости сопоставить его политические советы с советами его соперников и посмотреть, какой из них свидетельствует о большей дальновидности в управлении внешними отношениями Афин. Амфиполь был однажды потерян из-за неосмотрительной охраны Фукидида и Евкла: теперь он был снова потерян из-за неосмотрительных уступок Никия.

Пелопоннесский союз был настолько расшатан множеством государств, отказавшихся от мира, и влияние Спарты настолько ослаблено в тот момент, что на полуострове начали возникать новые комбинации. Уже упоминалось, что перемирие между Аргосом и Спартой как раз истекало: таким образом, Аргос, со своими старыми притязаниями на главенство в Пелопоннесе, подкреплённый неизменным богатством, могуществом и населением, был свободен. Не принимая прямого участия в последней изнурительной войне, он даже заработал деньги, оказывая случайную помощь обеим сторонам [17]; в то время как его военная сила теперь бы-

ла ещё более усилена шагом немалой важности. Он недавно выделил отряд из тысячи отборных гоплитов, состоявший из молодых людей богатых и знатных семей, для постоянного военного обучения за государственный счёт, и включил их в отдельный полк, отдельно от остальных граждан [18]. Для демократического правительства, подобного аргосскому, такое учреждение было внутренне опасным и чревато неприятностями, которые будут описаны впоследствии. Но в настоящий момент демократические лидеры Аргоса, кажется, думали только о внешних отношениях своего города, теперь, когда его перемирие со Спартой истекало, а дезорганизованное состояние спартанской конфедерации открывало новые возможности для его амбиций вернуть себе нечто вроде главенства в Пелопоннесе.

Недовольство непокорных пелопоннесских союзников теперь побуждало их обратить свои взоры на Аргос как на нового лидера. Они не доверяли Спарте ещё до мира, хорошо зная, что у неё были отдельные интересы, отличные от интересов конфедерации, связанные с желанием вернуть своих пленных: в условиях мира казалось, что учитывались только Спарта и Афины, а интересы остальных союзников, особенно фракийских, были оставлены без внимания. Более того, та статья мирного договора, согласно которой Афины и Спарта могли по взаимному согласию добавлять или исключать любые пункты по своему усмотрению, не консультируясь с союзниками, вызвала всеобщую тревогу, как если бы Спарта

замышляла какую-то измену в союзе с Афинами против конфедерации [19]. И тревога, однажды возникнув, была ещё более усилена последовавшим вскоре отдельным договором о союзе между Спартой и Афинами, а также возвращением спартанских пленных.

Такое всеобщее недовольство среди пелопоннесских государств неожиданным союзом афинян и лакедемонян, усиленное в случае каждого отдельного государства его частными интересами, впервые открыто проявилось через коринфян. Покинув переговоры в Спарте, – где только что стало известно о недавнем союзе между афинянами и спартанцами и где последние тщетно пытались убедить своих союзников принять мир, – коринфяне отправились прямо в Аргос, чтобы сообщить о произошедшем и добиться вмешательства. Они предложили ведущим деятелям этого [стр. 13] города, что теперь долг Аргоса – выступить в качестве спасителя Пелопоннеса, который лакедемоняне открыто предают общему врагу, и с этой целью пригласить в союз для взаимной защиты каждое автономное эллинское государство, которое обязуется давать и получать дружеское удовлетворение по всем спорным вопросам. Они утверждали, что многие города, из ненависти к Спарте, охотно согласятся на такое предложение; особенно если будет назначена небольшая коллегия уполномоченных с полномочиями принимать всех подходящих кандидатов; так что в случае отказа не было бы даже публичного обсуждения в аргосской демократической

эклесии. Это предложение, сделанное коринфянами конфиденциально (после чего они сразу вернулись домой), было с энтузиазмом принято как лидерами, так и народом Аргоса, поскольку оно сулило реализацию их давних притязаний на лидерство. Соответственно, были назначены двенадцать уполномоченных с правом принимать любых новых союзников, которых они сочтут подходящими, за исключением Афин и Спарты. С этими двумя городами никакой договор не мог быть заключён без формального одобрения народного собрания [20].

Между тем коринфяне, хотя именно они первыми побудили аргосцев к действию, сочли нужным, прежде чем официально вступать в новый союз, созвать в Коринфе съезд недовольных пелопоннесских государств. Первыми, согласно только что опубликованному уведомлению, обратились в Аргос мантинейцы. Здесь мы получаем частичное представление о взаимоотношениях второстепенных и внутренних государств Пелопоннеса. Мантинея и Тегея, будучи соседями и двумя наиболее значительными государствами Аркадии, находились в постоянном соперничестве, которое всего полтора года назад вылилось в кровавое, но не решившее исхода сражение. [21] Тегея, расположенная на границе Лаконии и управляемая олигархически, была крепко привязана к Спарте; тогда как именно по этой причине, а также из-за демократического характера своего правления, Мантинея была менее лояльна, хотя всё ещё состояла и действовала как

член Пелопоннесского союза. Недавно мантинейцы завоевали себе [22] небольшую империю в своих окрестностях, состоявшую из [стр. 14] деревенских округов Аркадии, считавшихся их подвластными союзниками и сражавшимися в их рядах в последней битве с Тегеей. Это завоевание было совершено ещё во время войны с Афинами – в период, когда малые государства Пелопоннеса в целом, и даже подвластные государства против своих метрополий, находились под гарантией союза, от которого требовалось неоплачиваемое участие в борьбе против общего врага; поэтому мантинейцы опасались вмешательства лакедемонян по просьбе и для освобождения этих подданных, которые, к тому же, находились близ границ Лаконии. Такое вмешательство, вероятно, было бы вызвано раньше, если бы Спарта не находилась под давлением трудностей – и, кроме того, не собирала общего сбора союза против Афин – со времён катастрофы на Сфактерии. Но теперь её руки были развязаны, и у неё был хороший предлог и мотив для вмешательства.

Поддержание автономии всех малых государств и предотвращение их подчинения или объединения под властью более крупных было общей политикой Спарты; особенно поскольку её собственное влияние как главного лидера усиливалось за счёт обеспечения каждого малого государства решающим голосом на собраниях союза. [23] Более того, соперничество Тегеи, вероятно, действовало здесь как дополнительный мотив против Мантинеи. Под влиянием этих

опасений мантинейцы поспешили заручиться союзом и защитой Аргоса, с которым их также связывала общая демократическая симпатия. Этот отход от Спарты [24] (именно так это воспринималось) вызвал большое волнение во всём Пелопоннесе, а также значительную склонность, на фоне преобладающего недовольства, последовать этому примеру. [стр. 15]

В частности, это сильно повысило важность съезда в Коринфе; куда лакедемоняне сочли необходимым направить специальных послов, чтобы противодействовать интригам, направленным против них. Их посол обратился к коринфянам с строгим увещанием и даже упрёком за ведущую роль, которую они сыграли в разжигании раздора среди старых союзников и организации нового союза под главенством Аргоса. «Они (коринфяне) усугубляли первоначальную вину и клятвопреступление, которое совершили, пренебрегая формальным решением большинства союза и отказываясь принять мир, – ведь это была клятвенная и основополагающая норма союза, что решение большинства должно быть обязательным для всех, за исключением случаев, связанных с оскорблением богов или героев». Воодушевлённые присутствием многих сочувствующих делегатов – беотийцев, мегарцев, фракийских халкидян [25] и др., – коринфяне ответили твёрдо. Но они не сочли хорошей тактикой открыто заявлять о своей истинной причине отказа от мира, а именно о том, что он не обеспечил им возвращения Со-

лиона и Анактория: во-первых, это был вопрос, в котором их присутствующие союзники не были заинтересованы; во-вторых, это не давало valid оправдания их сопротивлению решению большинства. Поэтому они заняли позицию, основанную на предлоге, одновременно великодушном и религиозном; на той оговорке о религиозных scruples, которую сам лакедемонский посол допустил, и которая, конечно, должна была толковаться каждым членом согласно его собственному благочестивому чувству. «Именно религиозное препятствие (утверждали коринфяне) помешало нам присоединиться к миру с Афинами, несмотря на решение большинства; ибо мы ранее обменялись клятвами, отдельно от союза, с фракийскими халкидянами во время их восстания против Афин: и мы нарушили бы эти отдельные клятвы, если бы приняли мирный договор, в котором эти халкидяне были abandon. Что касается союза с Аргосом, мы считаем себя свободными принять любое [стр. 16] решение, которое сочтём подходящим после консультации с нашими присутствующими здесь друзьями». С этим unsatisfactory ответом лакедемонские послы были вынуждены вернуться домой. Тем не менее, аргосские послы, также присутствовавшие на собрании с целью побудить коринфян немедленно реализовать надежды на союз, которые они подавали Аргосу, также не смогли добиться определённого согласия, получив просьбу вернуться на следующую конференцию. [26]

Хотя коринфяне сами выдвинули идею нового аргосского

союза и компрометировали Аргос открытым провозглашением, теперь они колебались в исполнении своего собственного плана. Их сдерживала отчасти, несомненно, горечь лакедемонских упрёков; ибо открытый разрыв, помимо его серьёзных политических последствий, оскорблял давние чувства; но ещё больше – обнаружение того, что их друзья, согласные с ними в отвержении мира, решительно отказываются от открытого разрыва со Спартой и союза с Аргосом. В эту категорию входили беотийцы и мегарцы. Оба этих государства – предоставленные своим собственным впечатлениям и суждению лакедемонянами, которые не обращались к ним с отдельным призывом, как они сделали с коринфянами, – спонтанно отвернулись от Аргоса, не столько из-за aversion к аргосской democracy, сколько из sympathy с олигархией в Спарте: [27] их связывало общность интересов, не только как соседей и заклятых врагов Аттики, но и как имеющих каждый тело демократических изгнанников, которые могли получить поддержку в Аргосе. Обескураженные сопротивлением этих двух важных союзников, коринфяне медлили с поездкой в Аргос, пока их не подтолкнул новый случайный импульс – обращение элейцев; которые, горячо embracing новый проект, отправили послов сначала для заключения союза с коринфянами, а затем для вступления Элиды в союз с Аргосом. Это событие так [стр. 18] укрепило коринфян в их прежнем плане, что они вскоре отправились в Аргос вместе с фракийскими халкидянами, чтобы присо-

единиться к новому союзу.

Поведение Элиды, как и Мантинеи, восставшей против Спарты, было продиктовано частными причинами ссоры, возникшей из-за отношений с их зависимым союзником Лепреем. Лепреи попали в зависимость от Элиды за некоторое время до начала Пелопоннесской войны, в обмен на помощь, оказанную элейцами для освобождения их от опасной войны с некоторыми аркадскими врагами. Чтобы купить эту помощь, они обязались уступить элейцам половину своей территории, но оставались на ней жить и занимать ее с условием выплаты одного таланта в год в качестве дани олимпийскому Зевсу, то есть элейцам как его управителям. Когда началась Пелопоннесская война [28] и лакедемоняне стали призывать на неоплачиваемую службу против Афин все пелопоннесские города, как малые, так и большие, лепреаты, по постоянному соглашению конфедерации, были освобождены на время от уплаты дани Элису. Это освобождение прекратилось вместе с войной; по ее окончании Элида получила право, согласно тому же соглашению, возобновить приостановленную выплату дани. Она потребовала возобновить выплату, но лепреаты отказались, а когда она прибегла к силе, бросились на защиту Спарты, чьего решения элейцы сначала согласились придерживаться, имея общее согласие конфедерации в свою пользу. Но вскоре выяснилось, что Спарта была более склонна проводить в жизнь свою общую систему поощрения автономии меньших госу-

дарств, чем добиваться выполнения положительного соглашения конфедерации. Поэтому элейцы, обвинив ее в несправедливом пристрастии, отказались от ее полномочий третейского судьи и отправили военные силы, чтобы занять Лепреум. Тем не менее, спартанцы упорствовали в своем решении, объявили Лепреум автономным и послали своих гоплитов для его защиты от элейцев. Последние громко протестовали против такого решения и объявили лакедемонян лишившими их одной из зависимых территорий, вопреки соглашению, принятому всеобщей конфедерацией в начале войны, согласно которому каждый имперский город должен получить в конце войны обратно все зависимые территории, которыми он обладал в начале, при условии отказа от дани и военной службы с них до тех пор, пока длится война. После бесплодных уговоров Спарты элейцы с готовностью ухватились за представившуюся возможность восстать против нее и присоединиться к новой лиге с Коринфом и Аргосом [29].

Новая лига, включавшая Аргос, Коринф, Элиду и Мантинею, к тому времени приобрела такую силу и уверенность, что аргосцы и коринфяне отправили совместное посольство в Тегею, чтобы добиться присоединения этого города, казавшегося, по-видимому, [р. 20] самым могущественным в Пелопоннесе после Спарты и Аргоса. Какие у них были основания рассчитывать на успех, нам неизвестно. Сам факт присоединения Мантинеи к Аргосу, казалось, должен был удержать Тегею, как соперничающую аркадскую державу, от ана-

логичного шага: так и произошло, ибо тегейцы решительно отвергли предложение, не преминув заявить, что во всем будут верны Спарте.

Коринфяне были сильно обескуражены этим отказом, которого они никак не ожидали, поскольку до сих пор заблуждались, принимая общие выражения недовольства Спартой за признак того, что им удастся перевести почти всех союзников под власть Аргоса. Теперь они начали отчаиваться в дальнейшем расширении аргосского влияния и даже сочли свое положение ненадежным со стороны Афин: с ними не было мира, а, присоединившись к Аргосу, они лишились поддержки Спарты и всего ее союза, включая Беотию и Мегару.

В этой затруднительной ситуации они обратились к беотийцам, снова умоляя их присоединиться к аргосскому союзу: просьба, уже однажды отвергнутая и вряд ли теперь исполнимая, но призванная подготовить почву для другого, более важного предложения. Они просили беотийцев сопроводить их в Афины и добиться для них перемирия, расторгимого с предупреждением за десять дней, подобного тому, какое было у самих беотийцев. В случае отказа их также просили расторгнуть собственное соглашение и не заключать нового без участия коринфян.

Беотийцы согласились лишь отчасти: они отправились в Афины с коринфянами, поддержав их просьбу о перемирии, но афиняне отказали, заявив, что коринфяне уже вклю-

чены в общий мир, если они остаются союзниками Спарты. Получив этот ответ, коринфяне стали настаивать, чтобы беотийцы, как дело чести, отказались от своего перемирия и впредь действовали сообща. Но эта просьба была твердо отклонена. Беотийцы сохранили свое десятидневное перемирие, а коринфянам пришлось мириться с существующим де-факто миром, хотя он и не был гарантирован Афинами. [30] [р. 21]

Тем временем лакедемоняне не забыли оскорбления, нанесенного им отпадением Мантинеи и Элиды. По просьбе партии среди паррасиев, аркадских подданных Мантинеи, они под предводительством царя Плейстоанакта вторглись в их земли и заставили мантинейцев оставить построенную там крепость, которую те не смогли удержать, несмотря на то, что получили от аргосцев войско для защиты своего города и смогли вывести все силы к угрожаемому участку.

Помимо освобождения аркадских подданных Мантинеи, лакедемоняне также разместили дополнительный отряд илотов и неодамодов в Лепрее, для защиты и наблюдения за границами Элиды. [31] Это были воины Брасида, которых Кларид привел из Фракии. Илоты среди них получили свободу в награду и могли селиться, где пожелают. Но, усвоив уроки храбрости под командованием выдающегося полководца, они могли представлять опасность среди илотов Лаконии: отсюда и желание спартанцев расселить их подальше.

Мы можем вспомнить, что незадолго до этого они тайно

умертвили две тысячи самых воинственных илотов, без каких-либо личных подозрений против этих жертв, а просто из страха перед всем их сословием и, конечно, особенно перед храбрейшими. [32] [р. 22]

Лакедемонянам приходилось остерегаться не только вернувшихся илотов Брасида, но и возможной (реальной или мнимой) угрозы со стороны своих же пленных спартанцев, освобожденных Афинами после заключения недавнего союза. Хотя сдача при Сфактерии не была запятнана бесчестьем, в глазах спартанской гордости эти люди все равно казались опозоренными; или, по крайней мере, они могли вообразить, что их так воспринимают, и потому впасть в недовольство.

Некоторые из них уже занимали различные должности, когда эфоры заподозрили их в заговоре и лишили всех права занимать посты, передав управление их имуществом опекунам и запретив, как несовершеннолетним, любые сделки купли-продажи. [33] Эта форма лишения прав длилась долго, но в конце концов была отменена, когда опасность сочли миновавшей.

Характер запрета подтверждает (что мы знаем и от Фукидида), что многие из этих пленников принадлежали к первым и богатейшим семьям государства, и эфоры могли опасаться, что те используют свое богатство для создания партий и организации восстания среди илотов. У нас нет фактов, чтобы оценить ситуацию, но неблагородный дух этого решения, примененного к храбрым воинам, недавно вернув-

шимся из долгого плена (на что справедливо указывают современные историки), мало волновал эфоров при малейших признаках угрозы.

О действиях афинян в течение этого лета нам ничего не известно, кроме того, что город Скиона [Skíônê] наконец сдался им после длительной осады, и что они перебили всё мужское население военного возраста, продав женщин и детей в рабство. Ненависть за предложение этой жестокой меры два с половиной года назад падает на Клеона; исполнение же её почти через год после его смерти – на сменивших его вождей и на афинян вообще. Однако читатель теперь достаточно знаком с греческими законами войны, чтобы не удивляться подобному обращению с [стр. 23] восставшими и вновь покорёнными подданными. Скиона и её территория были переданы беженцам из Платеи. Также коренное население Делоса, удалённое с этого священного места в прошлом году из-за убеждения, что они слишком нечисты для исполнения жреческих функций, теперь было возвращено на свой остров. Последующее поражение при Амфиполе породило в Афинах веру, что это изгнание оскорбило богов; под влиянием этого убеждения, подтверждённого Дельфийским оракулом, афиняне теперь выказали раскаяние, вернув делосских изгнанников. [34] Они также потеряли города Фисс на полуострове Афон и Мекиберну на Ситонском заливе, которые были захвачены фракийскими халкидянами. [35]

Тем временем политические отношения между могущественными греческими государствами оставались временными и неопределёнными. Союз между Спартой и Афинами всё ещё существовал, но афиняне постоянно жаловались, что предыдущий договор не был выполнен. Члены спартанского союза были недовольны; некоторые вышли из него, а другие, казалось, готовы были последовать их примеру; в то время как Аргос, стремясь заменить Спарту, пытался возглавить новый союз, хотя пока с очень ограниченным успехом. Однако до сих пор власти Спарты – царь Плейстоанакс, а также эфоры этого года – искренне желали сохранить союз с Афинами, насколько это было возможно без жертв и без реального применения силы против несогласных, о чём они лишь говорили, чтобы успокоить афинян. Более того, огромное преимущество, полученное ими благодаря возвращению пленных (что, несомненно, сделало их очень популярными дома), ещё сильнее привязывало их к принятому решению. Но в конце лета – примерно в конце сентября или начале октября 421 г. до н.э. – срок полномочий этих эфоров истёк, и были назначены новые эфоры на следующий год. При сложившихся обстоятельствах это стало важным переворотом: из пяти новых эфоров двое – Клеобул и Ксенарес – были решительно враждебны миру с Афинами, а [стр. 24] остальные трое, по-видимому, безразличны. [36] И здесь можно отметить, что эта изменчивость и нестабильность государственной политики, которую часто объявляют исключитель-

ной чертой демократии, встречается не реже и при конституционной монархии Спарты – наименее народном правительстве в Греции как по принципам, так и по деталям.

Новые эфоры созвали в Спарте специальный конгресс для урегулирования нерешённых разногласий, на котором, среди прочих, присутствовали послы из Афин, Беотии и Коринфа. Однако после долгих дебатов согласие так и не было достигнуто, и конгресс был близок к распаду, когда Клеобул и Ксенарес вместе со многими своими сторонниками [37] в стоворе с беотийскими и коринфскими делегатами начали серию тайных манёвров с целью разрыва афинского союза. Для этого нужно было добиться отдельного союза между Аргосом и Спартой, которого спартанцы искренне желали и, как утверждали эти эфоры, предпочли бы даже ценой разрыва с Афинами. Беотийцев убеждали сначала самим вступить в союз с Аргосом, а затем содействовать союзу Аргоса со Спартой. Но также было необходимо, чтобы они передали Спарте Панакт, чтобы его можно было предложить афинянам в обмен на Пилос; ибо Спарта не могла легко начать с ними войну, пока они владели последним. [38]

Таковы были планы, которые Клеобул и Ксенарес разработали вместе с коринфскими и беотийскими делегатами и которые последние по возвращении домой были готовы выполнить. Случай, казалось, сразу благоприятствовал их замыслам: по дороге домой к ним обратились два аргосских советника, выразивших горячее желание заключить союз меж-

ду Беотией и Аргосом. Беотийские послы, горячо поддерживая эту идею, убедили аргосцев отправить послов в Фивы с просьбой о союзе, а по возвращении домой сообщили беотархам как о планах спартанских эфоров, так и о пожеланиях этих [стр. 25] аргосцев. Беотархи также с энтузиазмом поддерживали весь план; они приняли аргосских послов с особым расположением и пообещали, как только получат необходимое одобрение, отправить своих послов с предложением союза Аргосу.

Это одобрение должно было быть получено от «Четырёх Советов Беотии» – органов, чьё устройство неизвестно. Но они обычно проявляли такую пассивность и покорность, что беотархи, рассчитывая на их согласие как на само собой разумеющееся, даже без полного изложения причин, строили свои планы соответственно. [39] Они предложили этим четырём Советам резолюцию в общих выражениях, уполномочивающую их от имени Беотийского союза обмениваться клятвами о союзе с любым греческим городом, готовым заключить договор на взаимовыгодных условиях: их конкретной целью, как они заявили, был союз с коринфянами, мегарцами и фракийскими халкидянами для взаимной защиты, а также для войны и мира с другими только по общему согласию. Они не ожидали сопротивления со стороны Советов в этом вопросе, поскольку их связи с Коринфом всегда были тесными, а положение четырёх названных сторон было одинаковым – все они отвергали недавний мир. Однако резо-

люция была намеренно сформулирована в самых общих выражениях, чтобы впоследствии она могла уполномочить их пойти дальше и заключить союз Беотии и Мегары с Аргосом; однако эта дальнейшая цель пока скрывалась, поскольку союз с Аргосом был новшеством, способным удивить и встревожить Советы. Этот манёвр, искусно рассчитанный на то, чтобы заманить эти органы в ловушку одобрения мер, о которых они и не помышляли, иллюстрирует способ, которым олигархическая исполнительная власть могла обходить ограничения, призванные контролировать её действия. Но беотархи, к своему изумлению, потерпели поражение уже в начале: Советы даже не захотели слышать о союзе с Коринфом, настолько они боялись оскорбить Спарту особыми связями с городом, который от неё отпал. [стр. 26] Беотархи также не сочли безопасным раскрывать свои переговоры с Клеобулом и Ксенаресом или сообщать Советам, что весь план исходил от влиятельной партии в самой Спарте. Соответственно, при таком формальном отказе со стороны Советов дальнейшие действия стали невозможны. Коринфские и халкидские послы покинули Фивы, а обещание отправить беотийских послов в Аргос осталось невыполненным. [40] Но антиафинские эфоры в Спарте, хотя и потерпели неудачу в своих планах заключить аргосский союз через посредничество беотийцев, не меньше настаивали на своих притязаниях относительно Панакта. Эта крепость – пограничное укрепление в горной цепи между Аттикой и Беотией, по-видимому,

на беотийской стороне от Филы, на или вблизи прямой дороги из Афин в Фивы, проходившей через Филы [41] – была афинским владением, пока за шесть месяцев до мира не была предательски сдана беотийцам. [42] Особая статья договора между Афинами и Спартой предписывала её возвращение Афинам; и теперь лакедемонские послы были отправлены с особой миссией в Беотию, чтобы потребовать от беотийцев передачи Панакта, а также афинских пленных, дабы, предложив это Афинам, склонить их к возвращению Пилоаса. Беотийцы отказались выполнить эту просьбу, если только Спарта не заключит с ними отдельный союз, как она сделала с афинянами. Однако спартанцы были связаны своим соглашением с последними – либо по букве договора, либо по его общепризнанному смыслу – не вступать в новые союзы без их согласия. Но они страстно желали завладеть Панактом; а перспектива разрыва с Афинами, вместо того чтобы их остановить, была именно тем, чего добивались Клеобул и Ксенарет. Под влиянием этих настроений лакедемоняне согласились и принесли клятву о заключении особого союза с Беотией. Однако беотийцы, вместо того чтобы передать Панакт, как обещали, немедленно разрушили крепость до основания, ссылаясь на какие-то древние [р. 27] клятвы, которыми обменялись их предки с афинянами, о том, что окрестности этой крепости должны оставаться без постоянного населения, как нейтральная пограничная полоса, открытая для общего выпаса.

Эти переговоры, продолжавшиеся всю зиму, завершились заключением союза и разрушением Панакта в начале весны, примерно в середине марта. И в то время как спартанские эфоры, казалось, добились своего в Беотии, они были приятно удивлены неожиданной поддержкой своих планов с другой стороны. В Спарту прибыло посольство из Аргоса с просьбой возобновить только что истёкший мир. Аргосцы убедились, что не продвигаются в расширении своего нового союза, а недавнее разочарование с беотийцами лишило их надежд на осуществление амбициозных планов гегемонии в Пелопоннесе. Но когда они узнали, что лакедемоняне заключили отдельный союз с беотийцами и что Панакт был разрушен, их разочарование сменилось настоящей тревогой за будущее. Естественно предположив, что этот новый союз не мог быть заключён без согласия Афин, они истолковали всё происходящее как признак того, что Спарта убедила беотийцев принять мир с Афинами, а разрушение Панакта – как компромисс, чтобы избежать споров о владении. Под влиянием этого убеждения – вполне разумного, учитывая, что оба правительства, олигархические и скрытные, не предоставили никаких дополнительных доказательств своих истинных намерений – аргосцы увидели себя исключёнными из союза не только с Беотией, Спартой и Тегеей, но и с Афинами, которые до сих пор казались им надёжным союзником в случае войны со Спартой. Не теряя времени, они отправили Евстрофа и Эсона, двух аргосцев, пользовавшихся уваже-

нием в Спарте и, возможно, бывших её проксенами, чтобы добиться возобновления истекающего перемирия и выторговать наилучшие условия.

Для лакедемонских эфоров это предложение было крайне выгодным – именно того, чего они тайно добивались. Начались переговоры, в ходе которых аргосские послы сначала предложили передать спорное [р. 28] владение Фиреей на арбитраж. Однако их требование было встречено категорическим отказом: лакедемоняне не желали вступать в такие обсуждения и настаивали на простом возобновлении мира. В конце концов аргосские послы, страстно желавшие оставить вопрос о Фирее открытым, так или иначе, убедили лакедемонян согласиться на следующее необычное условие. Мир между Афинами и Спартой заключался на пятьдесят лет; но если в любой момент этого срока, исключая периоды эпидемий или войны, одной из сторон покажется удобным решить спор о правах на Фирею поединком избранных бойцов равного числа, это будет разрешено. Поединок должен был происходить на территории самой Фиреи, а победителям запрещалось преследовать побеждённых за пределы бесспорной границы. Стоит вспомнить, что примерно за сто двадцать лет до этих событий уже был подобный поединок между тремя сотнями бойцов с каждой стороны, в котором, несмотря на отчаянную храбрость обеих сторон, победа – а с ней и спорное право – так и остались неопределёнными. Предложение аргосцев возрождало эту старую практи-

ку судебного поединка; однако настолько изменился греческий образ мысли за прошедшее время, что теперь это казалось совершенной нелепостью даже лакедемонянам – самым консервативным из греков. [43] Но поскольку на практике они ничего не теряли, соглашаясь на столь расплывчатое условие, и крайне стремились уладить отношения с Аргосом в преддверии разрыва с Афинами, они в конце концов приняли это требование, составили договор и вручили его послам для передачи в Аргос. Для вступления договора в силу требовалось формальное одобрение и ратификация аргосским народным собранием; если бы это было получено, послов приглашали вернуться в Спарту на [р. 29] праздник Гиакинфий и там совершить обряд клятв.

В этом странном переплетении целей и интересов спартанские эфоры, казалось, добились всего: дружбы с Аргосом, разрыва с Афинами и одновременно – благодаря владению Панактом – возможности добиться от Афин уступки Пилоаса. Однако их позиция была ещё непрочной. Когда их послы – Андромед и двое его коллег – прибыли в Беотию, чтобы отправиться в Афины и вести переговоры о Панакте (в то время как Евстроф и Эсон вели переговоры в Спарте), они впервые обнаружили, что беотийцы вместо того, чтобы выполнить обещание и передать Панакт, сравнивали его с землёй. Это был серьёзный удар по их шансам на успех в Афинах. Тем не менее Андромед отправился туда, взяв с собой всех афинских пленников, находившихся в Беотии. Он вернул их

Афинам, одновременно объявив о разрушении Панакта как о свершившемся факте. Панакт, как и пленные, таким образом, был возвращён, утверждал он, ведь афиняне теперь не найдут там ни единого врага – и он потребовал уступки Пилоса в обмен. [44]

Но вскоре он понял, что предел афинской уступчивости был достигнут. Вероятно, именно тогда в Афинах впервые стало известно о заключённом отдельно союзе между Спартой и Беотией, поскольку действия этих олигархических правительств обычно держались в тайне, а в данном случае был особый мотив скрывать этот союз до завершения обсуждения вопроса о Панакте и Пилосе. И этот союз, и разрушение Панакта вызвали у афинян сильнейшее негодование и гнев, которые, вероятно, лишь усилились, а не смягчились из-за уверток Андромеда, утверждавшего, что разрушение крепости равнозначно её возвращению, исключает дальнейшее пребывание там врага и тем самым полностью удовлетворяет условиям договора. Всё это усугублялось ещё и воспоминанием о других невыполненных пунктах соглашения. Прошёл уже целый год, наполненный, говоря современным языком, бесконечными нотами и протоколами, однако ни одно из [стр. 30] условий, выгодных Афинам, так и не было выполнено, за исключением возвращения пленных, которых, судя по всему, было немного. В то же время сами Афины сделали Спарте ключевую уступку, от которой зависело почти всё. Долго копившееся негодование, достигшее преде-

ла после миссии Андромеда, вылилось в резчайший отпор и выговор ему и его коллегам. [45]

Даже Никий, Лахет и другие влиятельные деятели, чьи недалёковидная уступчивость и ошибки привели к нынешним затруднениям, вероятно, не слишком отставали от общественного мнения в обвинениях спартанского вероломства – если не для чего иного, то чтобы отвлечь внимание от собственного промаха. Но среди них был один – Алкивиад, сын Клиния, – который воспользовался этим моментом, чтобы возглавить мощные антилаконские настроения, волновавшие теперь еkkлeсию, и придать им конкретную цель.

Это первый случай, когда мы слышим об этом выдающемся человеке как об активном участнике общественной жизни. Ему было тогда около тридцати одного или тридцати двух лет – возраст, который в Греции считался ранним для занятия важных государственных постов. Но таковы были блеск, богатство и древность его рода, восходившего через героев Еврисака и Аякса к Эакидам, и таково было влияние этого родства на афинскую демократическую публику, [46] что он легко и быстро занял видное положение. Через свою мать Дейномаху он также принадлежал к роду Алкмеонидов и был в родстве с Периклом, который стал его опекуном, когда он, оставшись сиротой в возрасте около пяти лет (вместе с младшим братом Клинием), потерял отца, Клиния, павшего в битве при Коронее. Тот уже отличился ранее, командуя собственной триерой в морском сражении при Артеми-

сии против персов. Молодому Алкивиаду дали спартанскую кормилицу по имени Амикла, а его знатный опекун выбрал для присмотра за ним раба по имени Зопир. Однако даже в детстве он был совершенно неуправляем, и Афины наполнились рассказами о его выходках и безобразиях, к бесполезному сожалению Перикла и его брата Арифрона. [47] Его бурные страсти, любовь к удовольствиям, жажда превосходства и высокомерие по отношению к другим [48] проявились в раннем возрасте и не покидали его всю жизнь. Его совершенная красота – и в отрочестве, и в юности, и в зрелые годы – привлекала к нему множество женщин, [49] даже тех, что обычно отличались сдержанностью. Более того, ещё до возраста, когда такие соблазны обычно появляются, его юношеская красота, проявленная во время обычных гимнастических упражнений, обеспечила ему настойчивые ласки, комплименты и всевозможные знаки внимания со стороны видных афинян, посещавших публичные палестры. Эти люди не только терпели его капризы, но даже льстили себе, когда он удостаивал их своим вниманием.

В условиях такого всеобщего восхищения и потворства, под влиянием развращающих воздействий, оказываемых со всех сторон и с самого раннего возраста, в сочетании с огромным богатством и высшим положением, вряд ли в душе Алкивиада могли развиваться самоограничение или забота о благе других. Анекдоты, наполняющие его биографию, показывают полное отсутствие обоих этих элементов нрав-

ственности. И хотя, конечно, в отношении отдельных историй следует делать скидку на сплетни и преувеличения, общий тип [стр. 32] характера остаётся отчётливым и вполне установленным.

Разгульная жизнь и неумеренная любовь ко всем формам удовольствий – это то, чего можно было бы ожидать от молодого человека в таких обстоятельствах. И, судя по всему, он предавался этим склонностям с оскорбительной публичностью, что лишало покоя его жену Гиппарету, дочь Гиппоника, павшего в битве при Делии. Она принесла ему большое приданое в десять талантов. Когда она попыталась добиться развода (что разрешалось афинскими законами), Алкивиад грубо вмешался, лишив её возможности воспользоваться законом, и силой вернул её в свой дом даже из присутствия магистрата. Именно эта ярость эгоистических страстей и безрассудное пренебрежение социальными обязательствами перед кем бы то ни было составляют отличительную черту Алкивиада. Он бьёт школьного учителя, в доме которого случайно не оказалось экземпляра Гомера; он бьёт Таврея, [50] своего соперника-хорега, прямо в театре во время представления; он бьёт Гиппоника, своего будущего тестя, из-за пустого пари, а затем задабривает его щедрыми извинениями; он защищает фасосского поэта Гегемона, против которого был подан официальный иск к архонту, стирая его собственноручно с опубликованного списка в общественном здании Метрооне, бросая вызов и магистрату,

и обвинителю, если те осмелятся довести дело до суда. [51]

При этом нет свидетельств, чтобы кто-то из пострадавших осмелился привлечь Алкивиада к суду перед дикастерием, несмотря на то, что его частная жизнь представляет собой, к изумлению, сплошное беззаконие: [52] сочетание наглости и показной роскоши с occasionalной низкой хитростью, когда это ему было выгодно. Но при всём формальном юридическом, судебном и конституционном равенстве, царившем среди афинских граждан, сохранялись значительные социальные неравенства между людьми, унаследованные от времён, предшествовавших демократии. Эти неравенства, ограниченные в своём практическом вреде демократическими институтами, так и не были ни стёрты, ни дискредитированы. Они признавались как элементы, влияющие на стихийное, неосознанное течение чувств и критики – как теми, кого они ущемляли, так и теми, кому благоприятствовали. В речи, которую Фукидид [53] вкладывает в уста Алкивиада перед афинским народным собранием, высокомерие богатства и высокого социального положения не только признаётся как факт, но и оправдывается как справедливая мораль. История его жизни, как и многие другие факты афинского общества, показывают, что если это и не одобрялось открыто, то на практике терпелось в значительной степени – несмотря на ограничения демократии.

Среди подобных беспринципных крайностей поведения Алкивиад выделялся личной храбростью. Он служил гопли-

том в армии под командованием Формиона во время осады Потидеи в 432 г. до н. э. Хотя ему едва исполнилось двадцать лет, он был в числе самых отважных воинов в битве, получил тяжелое ранение и оказался в большой опасности, оставшись в живых лишь благодаря усилиям Сократа, который сражался рядом с ним. Восемь лет спустя Алкивиад также отличился в кавалерии в битве при Делии и получил возможность отплатить Сократу за долг, защитив его от преследовавших беотийцев.

Как богатый молодой человек, он также был обязан исполнять хорегии и триерархию – дорогостоящие обязанности, которые, как и можно было ожидать, он выполнял не просто с достаточностью, но с показной роскошью. На самом деле, подобные траты, хотя и были обязательны в определенной мере для всех богачей, настолько щедро окупались – в виде популярности и влияния – для тех, кто хоть немного стремился к славе, что большинство из них добровольно выходило за необходимый минимум, желая покрасоваться.

Говорят, первое появление Алкивиادا в общественной жизни произошло в качестве жертвователя на какое-то особое дело в экклесии, когда различные граждане вносили свои взносы. Громкие аплодисменты, вызванные его пожертвованием, были тогда для него настолько новы и волнующи, что он выпустил из рук ручного перепела, которого держал за пазухой. Этот случай вызвал смех и сочувствие среди присутствующих граждан. Птицу поймал и вернул ему Антиох, ко-

торый с тех пор заслужил его благосклонность и впоследствии стал его кормчим и доверенным лейтенантом. [54]

Для такого молодого человека, как Алкивиад, жаждавшего власти и пре [стр. 35] восходства, определенная мера ораторского мастерства и способности к убеждению была необходима. С целью приобретения этих навыков он посещал общество различных софистов и учителей риторики, [55] Продика, Протагора и других, но чаще всего – Сократа. Его близость с Сократом стала знаменитой по многим причинам и была запечатлена как Платоном, так и Ксенофонтом, хотя, к сожалению, с меньшей назидательностью, чем нам хотелось бы.

Мы охотно верим Ксенофону, когда он говорит, что Алкивиад – подобно олигарху Критию, о котором мы еще много будем говорить – был привлечен к Сократу его непревзойденным мастерством диалектической беседы, его способностью влиять на умы слушателей, пробуждая в них новые мысли и идеи, его умением подбирать уместные и простые примеры, его даром предвидеть итог долгого перекрестного допроса, его ироническим притворным невежеством, благодаря которому унижение оппонентов становилось еще более полным, когда они уличались в противоречиях из своих же собственных ответов. Подобные проявления изобретательности сами по себе были крайне занимательны и стимулировали умственную активность слушателей, в то время как этот навык был особенно ценен для тех, кто собирался

вести публичные дебаты.

С этой целью оба честолюбивых юноши пытались перенять у Сократа его метод [56] и копировали его грозную цепочку [стр. 36] вопросов. Оба они, без сомнения, невольно уважали бедного, самодостаточного, честного, воздержанного и храброго гражданина, в котором обитал этот выдающийся талант, – особенно Алкивиад, который не только был обязан жизнью великодушной храбрости Сократа при Потидее, но и научился во время той службы восхищаться железной выносливостью философа в доспехах, переносившего голод, холод и лишения. [57]

Но мы не должны предполагать, что кто-либо из них приходил к Сократу с намерением слушать и повиноваться его наставлениям о долге или получить от него новый жизненный план. Они приходили отчасти для удовлетворения интеллектуального аппетита, отчасти – чтобы приобрести запас слов и идей, а также навыки аргументации, полезные для их дальнейшей карьеры ораторов. Темы нравственные, политические и интеллектуальные служили предметом то беседы, то споров в обществе всех этих софистов – Продика и Протагора не меньше, чем Сократа, ибо в афинском понимании этого слова Сократ был софистом так же, как и остальные. И для богатых афинских юношей, таких как Алкивиад и Критий, подобное общество было чрезвычайно полезно. [58]

Оно придавало их честолюбию более благородную цель,

включая [стр. 37] интеллектуальные достижения наряду с политическим успехом. Оно расширяло кругозор их понимания и открывало им богатейший источник литературы и критики, доступный в ту эпоху. Оно приучало их анализировать человеческие поступки, причины и препятствия общественного и частного благополучия. Оно даже косвенно внушало им уроки долга и благоразумия – те, от которых их социальное положение могло бы их отдалить и которые они вряд ли согласились бы выслушать от кого-либо, кроме человека, вызывавшего у них интеллектуальное восхищение.

Учась говорить, они вынуждены были в какой-то мере учиться и мыслить, привыкая отличать истину от заблуждения. Да и красноречивый лектор не упустил бы возможности увлечь их чувства великими темами морали и политики. Таким образом, их жажда интеллектуальной стимуляции и ораторского мастерства, насколько это возможно, оказывала облагораживающее влияние, хотя редко была их истинной целью. [59] [стр. 38]

Алкивиад, полный порывистости и всевозможных амбиций, наслаждался беседами со всеми известными ораторами и лекторами Афин, но чаще и охотнее всего – с Сократом. Философ сильно привязался к нему и, без сомнения, не упускал возможности внушать ему полезные уроки, насколько это можно было сделать, не оскорбляя гордости избалованного юноши, мечтавшего о славе в общественной жизни. Но, к несчастью, его наставления не оказали серьез-

ного влияния и в конце концов даже стали неприятны ученику.

Вся жизнь Алкивиада свидетельствует о том, как слабо в его душе укоренилось чувство долга – общественного или личного, и насколько его цели диктовались безмерным тщеславием и жадой возвышения. В поздние годы Сократ был отмечен общественной ненавистью как учитель Алкивиада и Крития. И если бы мы были настолько несправедливы, чтобы судить о нравственности учителя по нравственности этих двух учеников, мы, несомненно, причислили бы его к худшим из афинских софистов.

В возрасте тридцати одного или тридцати двух лет – самом раннем, когда разрешалось рассчитывать на видное положение в общественной жизни, – Алкивиад выступил на сцену с репутацией, запятнанной частными безнравственными поступками, и с множеством врагов, созданных его дерзким поведением. Однако это не помешало ему занять то положение, к которому его допускали знатность происхождения, связи и поддержка товарищей по гетериям; и он не замедлил проявить свою необыкновенную энергию, решительность и способность к командованию.

От начала до конца своей насыщенной событиями политической жизни он демонстрировал сочетание смелости в замыслах, изобретательности в планировании и силы в исполнении, не превзойденное ни одним из его современников-греков. Но что отличало его от всех – это необычайная

гибкость характера [60] и исключительная способность [с. 40] приспособляться к новым привычкам, новым обстоятельствам и новым людям, когда того требовала ситуация.

Подобно Фемистоклу, с которым он сходен как способностями и энергией, так и отсутствием общественных принципов и готовностью использовать любые средства, Алкивиад был по сути человеком действия. Красноречие было для него второстепенным качеством, подчиненным действию; и хотя его хватало для его целей, его речи выделялись лишь уместностью содержания, зачастую выраженного несовершенно – по крайней мере, по высоким стандартам Афин. [61]

Но его карьера дает яркий пример того, как блестящие качества, пригодные как для действия, так и для командования, могут быть разрушены и обращены во вред из-за полного отсутствия морали – как общественной, так и личной. Это вызвало против него мощную волну ненависти – как со стороны простых граждан, которых он оскорблял, так и со стороны богачей, чье тщеславие он затмевал своей разорительной роскошью.

Его чрезмерные добровольные траты на общественные празднества, превосходившие [с. 41] даже самые крупные частные состояния, убеждали проницательных людей в том, что он возместит их, грабя государственную казну, а при возможности – даже ниспровергнув [62] государственный строй, чтобы стать хозяином над личностью и имуществом

своих сограждан.

Он никогда не внушал никому ни доверия, ни уважения, и рано или поздно в таком обществе, как афинское, накопленные ненависть и подозрения неизбежно должны были привести общественного деятеля к падению – даже вопреки глубочайшему восхищению его способностями.

Он всегда был объектом противоречивых чувств:

«Афиняне желали его, ненавидели, но всё же хотели иметь», – сказал о нём в поздние годы его жизни один современный поэт.

Другой же афоризм гласил:

«Вообще не стоит держать львёнка в городе, но если уж решил держать – покорись его нраву». [63]

Афинам пришлось испытать на себе силу его энергии, когда он стал изгнанником и врагом, но наибольший вред он нанёс им как советник, пробуждая в своих согражданах ту же жажду показного, хищнического, ненадёжного и опасного возвышения, которая руководила его личными поступками.

Упомянув Алкивиада впервые, я несколько забегаю вперёд, чтобы дать общее представление о его характере, который будет раскрыт в дальнейшем. Но на момент, которого мы сейчас достигли (март 420 г. до н. э.), львёнок был ещё молод и не обладал ни полной силой, ни выросшими когтями.

Он начал выдвигаться как партийный лидер, по-видимому, незадолго до Никиева мира. Политические традиции его

семьи, как и семьи его родственника Перикла, были демократическими: его дед, Алкивиад, яростно выступал против Писистратидов и даже впоследствии публично разорвал устоявшуюся связь гостеприимства с [с. 42] правительством Лакедемона из-за сильной политической неприязни к нему.

Но сам Алкивиад, начиная политическую карьеру, отошёл от этой семейной традиции и выступил как сторонник олигархических и филолаконских взглядов, несомненно, более соответствующих его природному характеру, чем демократические.

Таким образом, он начал в той же партии, что и Никий и Фессал, сын Кимона, которые впоследствии стали его злейшими противниками. И отчасти, вероятно, чтобы сравняться с ними, он сделал решительный шаг, попытавшись возродить древние семейные узы гостеприимства со Спартой, которые его дед разорвал. [64]

Для продвижения этой цели он проявлял особую заботу о хорошем обращении с пленными спартанцами во время их содержания в Афинах. Многие из них принадлежали к знатным спартанским семьям, и он рассчитывал на их благодарность, а также на симпатии их соотечественников после их возвращения.

Он выступал за мир и союз со Спартой, а также за возвращение пленных, и не только поддерживал эти меры, но и предлагал свои услуги, стремясь стать посредником Спарты в их осуществлении в Афинах.

Исходя из этих корыстных надежд в отношении Спарты – и особенно ожидания получить через освобождённых плененных звание проксена Спарты – Алкивиад стал сторонником слепых и неоправданных филолаконских уступок Никия.

Однако вернувшиеся пленники либо не смогли, либо не захотели выполнить его желание, а власти Спарты отвергли все его предложения, не без презрительной насмешки над мыслью доверить важные политические интересы юноше, известному главным образом тщеславием, распутством и наглостью.

То, что спартанцы так решили, неудивительно, учитывая их глубокое уважение как к старости, так и к строгой дисциплине. Они естественным образом предпочли Никия и Лахета, чья осмотрительность оправдывала (если не порождала) их недоверие к новому претенденту.

К тому же Алкивиад ещё не показал всей мощи, на которую был способен. Но этот презрительный отказ спартанцев задел его так сильно, что, совершив полный переворот в своей политической линии, [65] он тут же окунулся в антилаконскую политику с энергией и умением, которых за ним прежде не замечали.

Момент был благоприятным для нового лидера, выбравшего эту сторону, особенно после недавней смерти Клеона, и стал ещё более благоприятным из-за поведения лакедемонян.

Проходили месяцы, направлялись протест за протестом,

но ни одно из предписанных договором обязательств в пользу Афин так и не было выполнено.

У Алкивиада теперь были все основания изменить тон в отношении спартанцев и обвинять их как обманщиков, нарушивших свои клятвы и злоупотребивших доверием Афин.

В своём новом настроении он естественным образом обратил внимание на Аргос, где у него были влиятельные друзья и семейные связи. Положение этого города, теперь свободного после истечения срока мира со Спартой, открывало возможность союза с Афинами, и эту политику Алкивиад активно продвигал, настаивая, что Спарта обманывает афинян лишь для того, чтобы связать им руки, пока она не расправится с Аргосом поодиночке.

Этот аргумент потерял часть силы, когда Аргос приобрёл новых мощных союзников – Мантинею, Элиду и Коринф, но, с другой стороны, такие приобретения делали Аргос ещё более ценным союзником для Афин.

Однако не столько склонность к Аргосу, сколько растущий гнев против Спарты способствовал филаргийским планам Алкивиада. Когда лакедемонский посол Андромед прибыл в Афины из Беотии, предлагая афинянам лишь руины Панакта в обмен на Пилос, а также когда стало известно, что спартанцы уже заключили отдельный союз с беотийцами, не посоветовавшись с Афинами [р. 44], необузданное выражение недовольства в афинской эkkлeсии показало Алкивиаду, что настало время для принятия решительных мер.

Пока он сам подогревал это недовольство против Спарты, он одновременно тайно известил своих сторонников в Аргосе, убеждая их, с уверенностью в успехе и обещанием своей активной поддержки, немедленно отправить посольство в Афины совместно с мантинейцами и элейцами с просьбой о принятии их в качестве союзников. Аргосцы получили это известие как раз в тот момент, когда их граждане Евстроф и Эсон вели переговоры в Спарте о возобновлении мира, будучи отправленными туда в сильном беспокойстве, что Аргос останется без союзников и будет вынужден один противостоять лакедемонянам.

Но как только перед ними открылась неожиданная возможность союза с Афинами – бывшим другом, демократией, подобной их собственной, морской державой, не вмешивающейся в их первенство в Пелопоннесе, – они перестали заботиться о Евстрофе и Эсоне и немедленно отправили в Афины предложенное посольство. Это было совместное посольство аргосцев, элейцев и мантинейцев: [66] союз между этими тремя городами уже был укреплен вторым договором, заключенным после того соглашения, в котором участвовал Коринф; но Коринф отказался от участия во втором. [67]

Однако спартанцы уже были встревожены резким отпором, данным их послу Андромеду, и, вероятно, предупреждены сообщениями от Никия и других своих афинских друзей о надвигающемся кризисе, связанном с союзом между Афинами и Аргосом. Поэтому они без промедления от-

правили трёх граждан, пользовавшихся большой популярностью в Афинах, [68] – Филокарида, Леонта и Эндия, – с полномочиями уладить все разногласия.

Послам было поручено отговорить Афины от союза с Аргосом, объяснить, что союз Спарты с Беотией был заключён без какого-либо злого умысла против Афин, и в то же время вновь потребовать возвращения Пилоса в обмен на разрушенный Панакт. [р. 45] Уверенность лакедемонян в силе афинского согласия была такова, что они ещё не теряли надежды добиться утверждения даже этого крайне неравного предложения. И когда трое послов, представленные и поддержанные Никием, впервые встретились с афинским советом перед выступлением перед народным собранием, впечатление, произведённое их заявлением о полномочиях на урегулирование, оказалось весьма благоприятным.

Настолько благоприятным, что Алкивиад встревожился: если они повторяют то же заявление перед народным собранием, пообещав незначительные уступки, филолаконская партия может склонить общественное мнение к компромиссу, исключив саму возможность союза с Аргосом.

Чтобы предотвратить провал своих планов, он прибег к необычному манёвру. Одним из лакедемонских послов был Эндий, его личный гость, связанный с ним древней и особой дружбой между их семьями. [69] Это, вероятно, помогло Алкивиаду [р. 46] тайно встретиться с послами накануне народного собрания, без ведома Никия. Он обратился

к ним как друг Спарты, желающий успеха их миссии, но предупредил, что народное собрание будет бурным и гневным, в отличие от спокойного совета. Если они объявят о своих полных полномочиях, народ, воспользовавшись их страхом, может вынудить их к чрезмерным уступкам.

Поэтому он настоятельно советовал им заявить, что они прибыли не для окончательного урегулирования, а лишь для объяснений и обсуждения. Тогда народ поймёт, что запугиванием ничего не добиться, объяснения будут выслушаны, а спорные вопросы обсудятся спокойно, и сам Алкивиад выступит в их поддержку. Он даже пообещал (подтвердив клятвой, согласно Плутарху [70]), что убедит афинян вернуть Пилос – шаг, который до сих пор срывался в основном из-за его противодействия.

Послы были поражены кажущейся мудростью этих советов [71] и ещё более обрадованы, что человек, от которого они ждали самого яростного сопротивления, теперь готов был говорить за них. Его слова легче нашли доверие, учитывая, что всего несколькими месяцами ранее он сам предлагал себя в качестве политического агента Спарты. Теперь казалось, что он просто возвращается к этой политике.

Они были уверены в поддержке Никия и его партии в любом случае; если же, следуя совету Алкивиада, они могли заручиться и его активной помощью, то их успех казался обеспеченным. Поэтому они согласились действовать по его плану, не посоветовавшись и даже не предупредив Никия –

именно чего и добивался Алкивиад.

На следующий день, когда собрание началось и послы представили, Алкивиад с подчёркнутой мягкостью спросил их, на каких условиях они прибыли [72] и какие полномочия имеют. Они тут же заявили, что не имеют полномочий на заключение договора, а приехали лишь для объяснений.

Это заявление вызвало потрясение. Члены совета, слышавшие противоположное двумя днями ранее, народ, ожидавший услышать окончательные условия Спарты, и, больше всех, сам Никий – их доверенное лицо и, вероятно, хозяин в Афинах, – который наверняка представлял их как полномочных послов и согласовывал с ними выступление, – все были ошеломлены.

Но возмущение народа равнялось их изумлению. Раздались единодушные крики о вероломстве и лживости лакедемонян, никогда не держащих слова. В довершение всего, Алкивиад сам притворился удивлённым и стал громче всех обвинять послов, клеймя спартанское коварство и злые умыслы с невиданной прежде резкостью.

Но и этого было мало: [73] воспользовавшись всеобщим одобрением, он предложил немедленно пригласить аргосских послов и заключить с ними союз. И это было бы сделано, если бы не неожиданное событие – землетрясение, заставившее собрание разойтись и перенести заседание на следующий день по религиозным соображениям.

Этот замечательный эпизод во всех основных деталях

взят у Фукидида. Он ярко демонстрирует беспринципный характер, который будет сопровождать Алкивиада всю жизнь, и представляет собой наглое сочетание дерзости и обмана, которое лучше всего можно описать как нечто в духе Джонатана Уайлда из произведений Филдинга.

Изображая Клеона и Гипербола, историки наперебой используют резкие выражения, чтобы подчеркнуть их якобы присущую наглость. Хотя у нас нет конкретных фактов, чтобы оценить степень правдивости этих утверждений, в целом подобные обвинения кажутся вполне правдоподобными. Однако мы можем с уверенностью заявить, что ни один из столь порицаемых афинских демагогов – ни торговцы кожей, лампами, овцами, канатами, отрубями и прочими товарами, над которыми Аристофан так остроумно издевался, – не превзошли, а то и не сравнялись в наглости с этим потомком Эака и Зевса в его манере обманывать и позорить лакедемонских послов.

Стоит добавить, что сами послы проявили поразительное пренебрежение к общественной вере и последовательности, легкость, с которой они публично отрекались от только что сказанного, и предательство по отношению к своему доверенному лицу. Это действительно удивляет и во многом оправдывает общее обвинение в присущей лакедемонянам привычке к двуличию. [74]

Обесчещенные послы, несомненно, немедленно покинули Афины, но этот своевременный землетрясение дал Никию

несколько часов, чтобы оправиться от неожиданного поражения. На следующем собрании он по-прежнему утверждал, что дружба со Спартой предпочтительнее союза с Аргосом, и настаивал на благоразумии отсрочки любых обязательств до тех пор, пока истинные намерения Спарты, столь противоречивые и необъяснимые, не прояснятся. [стр. 49]

Он доказывал, что позиция Афин в отношении мира и союза была более выгодной и почетной, тогда как Спарта оказалась в положении униженного. Таким образом, Афины были больше заинтересованы в сохранении достигнутых соглашений. Однако он также признавал, что Спарта должна дать четкие и решительные объяснения относительно своих намерений, и просил народ отправить его вместе с другими послами для переговоров. Лакедемонянам следовало сообщить, что аргосские послы уже находятся в Афинах с предложениями и что афиняне уже могли бы заключить этот союз, если бы позволили себе нарушить существующий договор со Спартой.

Но если намерения Спарты честны, она должна немедленно доказать это:

1. Вернув Панакт неразрушенным.
2. Вернув также Амфиполь.
3. Отказавшись от особого союза с беотийцами, если только те сами не согласятся заключить мир с Афинами. [75]

Афинское собрание, согласившись с доводами Никия, поручило ему эту миссию – что стало ярким доказательством

того, как сильно он все еще удерживал их доверие, несмотря на поражение накануне, и насколько искренним было их желание сохранить хорошие отношения со Спартой.

Это был последний шанс для Никия и его политики – шанс справедливый, поскольку все требования к Спарте были обоснованными. Но он вынуждал его довести дело до решительного конца, исключая дальнейшие уловки.

Его миссия в Спарте полностью провалилась: влияние антиафинских эфоров Клеобула и Ксенара оказалось непреодолимым, и ни одно из его требований не было выполнено. Даже когда он официально заявил, что, если Спарта не откажется от союза с беотийцами или не заставит их принять мир с Афинами, афиняне немедленно заключат союз с Аргосом, угроза не возымела эффекта.

Единственное, чего он добился – и то как личную уступку для себя, – это формального возобновления прежних клятв. Это была пустая уступка, лишь слабо прикрывавшая унижение его возвращения в Афины. [стр. 50]

Афинское собрание выслушало его доклад с сильным негодованием против лакедемонян и явным недовольством даже в его адрес – как главного автора и гаранта этого невыполненного договора. Тем временем Алкивиаду позволили представить послов – уже находившихся в городе – из Аргоса, Мантинеи и Элиды, с которыми был немедленно заключен пакт. [76]

Фукидид приводит текст договора, вероятно, с публично-

го памятника. Он включает два обязательства: о мире и о союзе.

Афиняне, аргосцы, мантинейцы и элейцы заключили договор о мире на суше и на море, без обмана и злого умысла, каждый от себя и от союзников, над которыми они имеют власть. [77]

[Стоит отметить явное указание этих государств на свою имперскую власть и зависимость союзников. Подобных формулировок нет в договоре между Афинами и Лакедемоном. Я уже упоминал, что главной причиной недовольства Мантинеи и Элиды по отношению к Спарте была связана с их имперскими амбициями.]

Ни одна из сторон не должна поднимать оружие против другой с целью причинения вреда.

Афиняне, аргосцы, мантинейцы и элейцы будут союзниками друг другу на сто лет.

Если враг вторгнется в Аттику, три союзных города окажут самую решительную помощь по призыву Афин. Если силы вторгшегося города нанесут ущерб Аттике и затем отступят, три союзника объявят того врагом и нападут на него. Ни одна из четырех сторон не прекратит войну без согласия остальных.

Аналогичные обязательства накладываются на Афины в случае нападения на Аргос, Мантинею или Элиду.

Ни одна из четырех сторон не разрешит проход войск через свою территорию или территорию союзников, находя-

щихся под их властью, ни по суше, ни по морю, кроме как по совместному решению. [78] [стр. 51] В случае, если потребуется и будет отправлена вспомогательная армия по данному договору, город, отправляющий войска, обеспечит их содержание в течение тридцати дней, начиная со дня их вступления на территорию города, который их запросил. Если их услуги потребуются на более длительный срок, запрашивающий город обеспечит их содержание из расчёта три эгинских оболы за каждого гоплита, легковооружённого или лучника, и одну эгинскую драхму (или шесть оболы) за каждого всадника в день. Командование будет принадлежать запрашивающему городу до тех пор, пока требуемая служба осуществляется на его территории. Но если какая-либо экспедиция будет предпринята по совместному решению, то командование будет разделено поровну между всеми.

Таковы были основные условия нового союза. Затем были предусмотрены клятвы: кем? где? когда? в каких словах? как часто? они должны были приноситься. Афины должны были принести клятву от своего имени и от имени своих союзников; но Аргос, Элида и Мантинейя вместе со своими союзниками должны были принести клятву отдельно от каждого города. Клятвы должны были обновляться каждые четыре года: Афины – в течение тридцати дней перед каждым Олимпийскими играми в Аргосе, Элиде и Мантинее; эти три города – в Афинах за десять дней до каждого праздника Великих Панафиней.

«Слова договора о мире и союзе, а также принесённые клятвы должны быть высечены на каменных колоннах и установлены в храмах каждого из четырёх городов; а также на бронзовой колонне, которая будет воздвигнута совместными усилиями в Олимпии к предстоящему празднику».

«Четыре города могут по общему согласию внести любые изменения в положения данного договора, не нарушая своих клятв» [79].

Заключение этого нового договора внесло большую сложность в группировку и ассоциации греческих городов, чем когда-либо прежде. Древний Спартанский союз и Афинская империя всё ещё существовали. Между ними был заключён мир [р. 52], ратифицированный формальным голосованием большинства союзников, но не принятый несколькими меньшинствами. Между Афинами и Спартой был заключён не только мир, но и особый союз; а также особый союз между Спартой и Беотией. Коринф, член Спартанского союза, также входил в оборонительный союз с Аргосом, Мантиней и Элидой; эти три государства заключили более тесный союз сначала друг с другом (без Коринфа), а затем недавно и с Афинами. Тем не менее, и Афины, и Спарта сохранили союз [80], заключённый между ними, без формального разрыва с обеих сторон, хотя Афины всё ещё жаловались, что договор не был выполнен. Между Аргосом и Спартой не существовало никаких отношений. Между Афинами и Беотией действовало перемирие, которое могло быть прекращено

с уведомлением за десять дней. Наконец, Коринф, несмотря на неоднократные просьбы аргосцев, не согласился присоединиться к новому союзу Афин с Аргосом: таким образом, между Коринфом и Афинами не существовало никаких отношений, в то время как коринфяне начали, хотя и слабо, возобновлять свои прежние симпатии к Спарте [81].

Союз между Афинами и Аргосом, подробности которого только что были изложены, был заключён незадолго до Олимпийских игр 90-й Олимпиады, то есть в 420 году до н. э.: праздник приходился на начало июля, поэтому договор мог быть подписан в мае [82]. Эти игры запомнились по нескольким причинам. Это были первые игры, проведённые после заключения мира, ключевой пункт которого специально гарантировал всем грекам свободный доступ к великим общегреческим святилищам, включая право приносить жертвы, обращаться к оракулу и наблюдать за состязаниями. В течение последних одиннадцати лет, включая две Олимпиады, сами Афины, а также, по-видимому, все их многочисленные союзники были лишены возможности отправлять официальные делегации (феории) или присутствовать на Олимпийских играх в качестве зрителей [83]. Теперь, когда это ограничение было снято и элейские глашатаи (прибывшие объявить о предстоящих играх и провозгласить связанное с ними перемирие) снова ступили на землю Аттики, афинское посещение воспринималось как нечто новое как ими самими, так и другими. Некоторые с любопыт-

ством ожидали, какое впечатление произведёт афинская феория своим внешним видом и великолепием. Не обошлось и без злобных слухов о том, что Афины настолько обеднели из-за войны, что не смогут явиться к алтарю Олимпийского Зевса с подобающей пышностью.

Алкивиад с гордостью опроверг эти домыслы, а заодно прославил своё имя и свою персону демонстрацией, превосходящей всё, что видели раньше. Он уже отличился на местных афинских праздниках и литургиях, затмив своих соперников показной роскошью, но теперь он чувствовал себя защитником и лидером Афин перед лицом всей Греции. Он дискредитировал своего политического соперника Никия, придал новый вектор афинской политике благодаря союзу с Аргосом и готовился начать серию операций внутри Пелопоннеса против лакедемонян. По всем этим причинам он решил, что его первое появление на Олимпийской равнине должно поразить всех зрителей. Афинская феория, членом которой он являлся, была организована с первоклассной пышностью, с обилием золотых сосудов, курильниц и прочего для публичных жертвоприношений и процессий [84]. Но когда начались гонки на колесницах, Алкивиад сам выступил в качестве участника за свой счёт – и не с одной прекрасно укомплектованной квадригой, что и так считалось необычайной личной славой даже для самых богатых греков, а с невероятным числом в семь отдельных колесниц, каждая с упряжкой из четырёх лошадей. И качество их было на-

столько высоким, что одна из его колесниц заняла первое место, а другая – второе, так что Алкивиад был дважды увенчан ветвями священной оливы и дважды провозглашён глашатаем. Ещё одна из его семи колесниц пришла четвёртой, но, по-видимому, после второго места венки и объявления не присуждались. Следует помнить, что у него были соперники со всей Греции, включая не только частных лиц, но даже тиранов и правительства. Но и это не всё. Шатёр, который афинские феоры предоставили своим соотечественникам, посещавшим игры, был украшен со вкусом; но отдельный шатёр, который Алкивиад подготовил для публичного пира в честь своего триумфа, а также сам пир, были устроены с ещё более величественной и дорогой пышностью. Богатые союзники Афин – Эфес, Хиос и Лесбос – как говорят, помогли ему усилить это впечатление. Вполне вероятно, что они стремились заручиться его расположением, поскольку он теперь стал одним из первых людей в Афинах и находился на подъёме. Но также следует учитывать, что они, как и Афины, были отстранены от Олимпийских игр, так что их собственные чувства при первом возвращении могли подтолкнуть их к искренней заинтересованности в этом впечатляющем возвращении ионийского народа в общее святилище Эллады.

Пять лет спустя, во время важного обсуждения, которое будет описано позже, Алкивиад публично заявил перед афинским народным собранием, что его беспрецедент-

ная олимпийская демонстрация оказала крайне благотворное влияние на греческое общественное мнение в пользу Афин [85] [р. 55], развеяв подозрения в том, что они разорены войной, и неоспоримо доказав их огромное богатство и мощь [р. 56]. В значительной степени он был прав, хотя этого оказалось недостаточно, чтобы отвести от себя обвинения – что он и пытался сделать – в чрезмерном личном тщеславии и в расточительности, которую ему впоследствии пришлось бы компенсировать за счёт казнокрадства или насилия. Все неблагоприятные впечатления, которые его прежняя жизнь внушала благоразумным афинянам, только усилились после этого ошеломляющего представления; тем более – зависть и ненависть личных соперников. И эти чувства были вполне реальны, несмотря на то, что как политик он в тот момент пользовался полной народной благосклонностью.

Если праздник 90-й Олимпиады был особенно примечателен возвращением афинян и их союзников, то его также отметило ещё более поразительное новшество – исключение лакедемонян. Это исключение стало следствием новых политических интересов элейцев, подкреплённых их возросшей уверенностью в своих силах благодаря недавнему союзу с Аргосом, Афинами и Мантинеей.

Уже упоминалось, что после заключения мира с Афинами лакедемоняне, выступая в качестве арбитров в споре о Лепрее, который элейцы считали своей зависимой территорией,

объявили его автономным и отправили войска для его защиты. Вероятно, элейцы возобновили свои нападения на этот район после заключения союза с новыми союзниками, поскольку незадолго до Олимпийских игр лакедемоняне направили туда новый отряд из тысячи гоплитов. Именно из-за отправки этого отряда и последовало решение об исключении.

Элейцы, как привилегированные распорядители игр, регулировали детали церемонии и официально [стр. 58] объявляли через герольдов начало Олимпийского перемирия, в течение которого любое вооружённое вторжение на элейскую территорию считалось оскорблением величия Зевса. На этот раз они заявили, что лакедемоняне отправили тысячу гоплитов в Лепрей и захватили форт Фирк, оба из которых были владениями Элиды, уже после объявления перемирия. В связи с этим они наложили на Спарту штраф, предусмотренный «Олимпийским законом», – две мины за каждого воина, всего две тысячи мин: часть – в пользу Зевса Олимпийского, часть – самим элейцам.

В промежутке между объявлением перемирия и началом игр лакедемоняне направили послов с протестом против штрафа, утверждая, что он наложен несправедливо, поскольку, когда их гоплиты достигли Лепрея, герольды ещё не объявили перемирие в Спарте. Элейцы ответили, что к тому времени перемирие уже было объявлено у них (они всегда объявляли его сначала у себя, прежде чем герольды пе-

ресекали границу), и поэтому все военные действия были запрещены, чем лакедемонские гоплиты и воспользовались для своих последних нападений.

Лакедемоняне возразили, что поведение самих элейцев опровергает их утверждения, ведь они отправили своих герольдов в Спарту для объявления перемирия уже после того, как узнали о посылке гоплитов, что доказывает, что они не считали перемирие нарушенным. Более того, после прибытия герольда в Спарту лакедемоняне не предпринимали новых военных действий.

У нас нет возможности установить, где в этом споре была истина. Однако элейцы отвергли объяснения, предложив, однако, что если лакедемоняне вернут им Лепрей, они откажутся от своей части штрафа и сами выплатят из казны долю, причитающуюся богу.

Когда это новое предложение было отвергнуто, элейцы внесли ещё одну поправку: они соглашались на то, чтобы лакедемоняне не платили штраф сразу, а принесли клятву перед алтарём в Олимпии в присутствии собравшихся греков, пообещав выплатить его в будущем. Но лакедемоняне отказались и от уплаты, и от обещания.

В итоге элейцы, как судьи в соответствии с [стр. 59] Олимпийским законом, запретили им доступ в храм Зевса Олимпийского, участие в жертвоприношениях, а также посещение и состязание на играх – то есть лишили их права присутствовать в качестве священного посольства (феории), занимав-

шего официальное и признанное место на торжестве. [86] Как и все остальные греческие государства – за единственным исключением Лепрея – присутствовавшие на празднике через своих феоров [87], а также в лице отдельных зрителей, спартанская феория «блистала своим отсутствием» в крайне болезненной и оскорбительной манере. Настолько вопиющим было оскорбление, нанесенное лакедемонянам, связанным с Олимпией древними, особыми и доселе нерушимыми узами; настолько явным было свидетельство их относительного упадка, вызванного миром с Афинами на фоне катастрофы при Сфактерии [88], что ожидалось, будто они могут пренебречь запретом и под вооруженной охраной провести своих феоров в храм Олимпии для жертвоприношения. Элейцы даже сочли необходимым вооружить своих молодых гоплитов и вызвать на помощь тысячу гоплитов из Мантинеи и столько же из Аргоса, чтобы отразить возможное нападение; в то время как отряд афинской кавалерии был размещен в Аргосе на время празднества для оказания поддержки в случае необходимости. Тревога среди зрителей достигла крайней степени и еще более усилилась из-за инцидента, произошедшего после гонок колесниц.

Лихас [89], влиятельный и богатый лакедемонянин, выставил свою колесницу на состязания, но вынужден был заявить ее не от своего имени, а от имени Беотийского союза. Запрет не позволял ему открыто участвовать, но не мешал присутствовать как зрителю; и когда его колесница была объ-

явлена победительницей под именем беотийской, он не смог сдержать порыва заявить о себе [стр. 60]. Он вышел на арену и возложил венок на голову возничего, тем самым объявив себя хозяином колесницы. Это был вопиющий проступок и явное нарушение порядка празднества. Поэтому служители немедленно вмешались, исполняя свой долг, и, ударя жезлами, прогнали его обратно на место [90]. Это вызвало еще большие опасения вооруженного вмешательства лакедемонян.

Однако ничего подобного не произошло: лакедемоняне впервые и в последний раз в своей истории совершили олимпийское жертвоприношение у себя дома, и праздник прошел без дальнейших помех [91]. Дерзость элейцев, нанесших такое оскорбление сильнейшему государству Греции, настолько поразительна, что вряд ли можно ошибиться, предположив, что их действия были подсказаны Алкивиадом и поддержаны военной помощью союзников. В этот момент он не менее усердно унижал Спарту, чем демонстрировал мощь Афин.

Дальнейшим доказательством упадка влияния и авторитета Спарты вскоре стала судьба ее колонии – Гераклеи Трахинской, основанной у Фермопил на третий год войны. Эта колония – хотя поначалу привлекла множество поселенцев благодаря всеобщему доверию к могуществу Лакедемона и хотя всегда управлялась спартанским гармоном – так и не процветала [стр. 61]. С самого начала она подвер-

гальась нападениям соседних племен, а ее правители отличались суровостью и казнокрадством. Основание города изначально рассматривалось соседями, особенно фессалийцами, как вторжение на их территорию; и их враждебные действия, всегда досадные, зимой после описанного Олимпийского праздника достигли небывалого накала. Они нанесли гераклеотам сокрушительное поражение в битве и убили спартанского наместника Ксенара.

Но хотя город был настолько ослаблен, что не мог держаться без внешней помощи, Спарта оказалась слишком скована пелопоннесскими врагами и ненадежными союзниками, чтобы оказать ему поддержку. Беотийцы, видя ее беспомощность, опасались, что Гераклея обратится за помощью к Афинам. Поэтому они сочли благоразумным занять город беотийским гарнизоном, отстранив спартанского гармоста Гегесиппида за предполагаемые злоупотребления. Лакедемоняне не смогли воспрепятствовать этому, хотя и выразили гневный протест [92].

Глава LVI. ОТ ОЛИМПИЙСКОГО ПРАЗДНИКА ДЕВЯНОСТОЙ ОЛИМПИАДЫ ДО БИТВЫ ПРИ МАНТИНЕЕ.

Вскоре после примечательных событий Олимпийского праздника, описанных в предыдущей главе, аргосцы и их союзники отправили новое посольство с предложением коринфянам присоединиться к ним. Они считали этот момент благоприятным, учитывая недавнее оскорбление Спарты, чтобы склонить коринфян к отпадению от неё. Однако присутствовали и спартанские послы, и, хотя обсуждения затянулись, нового решения принято не было. [р. 62] Землетрясение – возможно, не настоящее, а устроенное для удобства – внезапно прервало собрание. Коринфяне, хотя, казалось, не доверяли Аргосу, теперь объединившемуся с Афинами, и склонялись скорее к Спарте, не желали открыто становиться на сторону одной, чтобы нажить врага в лице другой. [93]

Несмотря на эту первую неудачу, новый союз Афин и Аргоса вскоре дал о себе знать. Под влиянием Алкивиада Афины готовились к новой попытке приобрести союзников и влияние внутри Пелопоннеса. В начале войны они при-

держивались морской, оборонительной и просто консервативной стратегии под руководством Перикла. После событий при Сфактерии они воспользовались этим преимуществом, чтобы попытаться вернуть Мегару и Беотию, от которых ранее были вынуждены отказаться по условиям Тридцатилетнего мира, по настоянию Клеона. В этой попытке они провели восьмой год войны, но с крайне неудачным результатом; в то время как Брасид за это время прорвался к их морской империи и лишил их многих важных владений. Главной целью Афин стало возвращение этих потерянных территорий, особенно Амфиполя: Никий и его сторонники стремились достичь этого путём заключения мира, тогда как Клеон и его приверженцы настаивали, что это возможно только военными усилиями. Экспедиция Клеона против Амфиполя провалилась, мир, заключённый Никием, тоже не принёс успеха: Афины утратили своё главное преимущество, так и не вернув Амфиполь. И если они хотели его вернуть, у них не оставалось иного выбора, кроме как повторить попытку, которая не удалась при Клеоне. И, возможно, они бы так и поступили – как мы увидим, они планировали это примерно через четыре года, – если бы не несколько обстоятельств. Во-первых, афинское общество, вероятно, было разочаровано и подавлено после недавнего позора при Амфиполе. Во-вторых, Алкивиад, новый главный советник или, если можно так выразиться, «премьер-министр» Афин (хотя это и неточно, но передаёт суть), под влиянием личных побуждений

направил афинские устремления в иное русло. Испытывая сильную неприязнь к Спарте, он считал внутренние области Пелопоннеса её наиболее уязвимым местом, особенно учитывая нынешнюю разобщённость её городов. Кроме того, его личная жажда славы лучше удовлетворялась в центре эллинской жизни, чем в далёких и варварских землях. Наконец, он, вероятно, с неприятным чувством вспоминал тяготы и лютей холод, которые ему пришлось пережить двенадцать лет назад при осаде Потидеи (невыносимые для всех, кроме железного здоровья Сократа) [94] и которые ожидали бы любое войско, отправляющееся завоевать Амфиполь. Под влиянием этих соображений он теперь начал активные действия внутри Пелопоннеса против Лакедемона, стремясь создать под эгидой Аргоса контр-союз, достаточный для сдерживания Спарты и, по крайней мере, лишаящий её возможности вести войну за пределами Истма. Всё это должно было происходить без формального разрыва мира и союза между Афинами и Лакедемоном, запечатлённого на столбах, воздвигнутых в обоих городах.

Возглавив небольшой отряд афинских гоплитов и лучников и получив подкрепление от пелопоннесских союзников, Алкивиад явил зрелище афинского полководца, свободно действующего внутри полуострова и навязывающего свои порядки в разных местах – зрелище в то время новое и поразительное. [95] Сначала он обратил внимание на ахейские города на северо-западе, где убедил жителей Патр заключить

союз с Афинами и даже начать строительство Длинных стен, чтобы соединить город с морем и обеспечить защиту с моря. Далее он задумал возведение укрепления и создание военно-морской базы на крайней точке мыса Рион, у самого узкого входа в Коринфский залив, что позволило бы афинянам, уже контролировавшим противоположный берег через Навпакт, стать хозяевами торговли в заливе. [р. 64] Однако коринфяне и сикионяне, для которых это стало бы серьёзным ударом, выслали достаточно войск, чтобы сорвать этот план и, вероятно, помешать строительству стен в Патрах. [96] Тем не менее поход Алкивиада, несомненно, укрепил антилаконские настроения по всему ахейскому побережью.

Затем он вернулся, чтобы принять участие вместе с аргосцами в войне против Эпидавра. Овладение этим городом значительно облегчило бы сообщение между Афинами и Аргосом, поскольку он находился не только прямо напротив острова Эгина, занятого афинянами, но и открывал им сухопутный путь, избавляя от необходимости обходить мыс Скиллей – юго-восточную оконечность Аргосско-Эпидаврского полуострова – при переброске войск в Аргос. Кроме того, территория Эпидавра граничила на севере с Коринфом, так что его захват стал бы дополнительной гарантией нейтралитета коринфян. Поэтому было решено напасть на Эпидавр, и повод для этого легко нашёлся.

Как главенствующее и управляющее государство храма Аполлона Пифейского (расположенного в стенах Аргоса),

аргосцы пользовались своего рода религиозным верховенством над Эпидавром и другими соседними городами – по-видимому, остатком той обширной власти, как политической, так и религиозной, которой они обладали в древние времена. [97] Эпидаврийцы были обязаны этому храму определенными жертвоприношениями и другими обрядовыми повинностями, одна из которых – возникшая по не вполне ясным для нас причинам – теперь просрочена и не исполнена: по крайней мере, так утверждали аргосцы. Эта невыполненная обязанность возлагала на них долг собрать войско, чтобы напасть на эпидаврийцев и принудить их к исполнению.

Однако их вторжение было временно приостановлено известием, что царь Агис с полным войском Лакедемона и его союзников продвинулся до Левктр, одного из пограничных городов Лаконии на северо-западе, близ горы Ликей и области аркадских паррасиев. Цель этого движения была известна только самому Агису, который даже не объяснил её [р. 65] своим воинам, командирам или союзникам. [98] Но жертвоприношение, совершаемое перед пересечением границы, оказалось столь неблагоприятным, что он временно отказался от похода и вернулся домой. Поскольку приближался месяц Карней – время перемирия и религиозного праздника у дорийских государств, – он приказал союзникам быть готовыми к выступлению сразу по его окончании.

Узнав, что Агис распустил войска, аргосцы начали гото-

виться к вторжению в Эпидавр. День их выступления был уже 26-м числом месяца, предшествующего Карнею, так что до начала священного перемирия оставалось всего три дня. Этот обычай был обязателен для религиозных чувств всех дорийских государств, к которым принадлежали Аргос, Спарта и Эпидавр. Но аргосцы воспользовались этой особенностью времени, которая, казалось бы, должна была удержать их дома, чтобы облегчить свой замысел, прибегнув к хитрости с календарем. Они объявили один из тех произвольных сдвигов в исчислении времени, которые греки иногда применяли для исправления вечной путаницы своей лунной системы. Выступив в поход 26-го числа месяца перед Карнеем, аргосцы продолжали называть каждый последующий день тем же числом, отрицая течение времени и утверждая, что Карней ещё не начался. Это действие ещё более облегчалось тем, что их союзники – афиняне, элейцы и мантинейцы, не будучи дорийцами, не были обязаны соблюдать Карнейское перемирие.

Таким образом, войско выступило из Аргоса на территорию Эпидавра и провело там, по-видимому, две-три недели, опустошая её, хотя по исчислению других дорийских государств это время приходилось на Карнейское перемирие. Аргосцы же, пользуясь своим произвольным летоисчислением, утверждали, что не нарушают его. Эпидаврийцы, не имея сил противостоять им в одиночку, [р. 66] призвали на помощь союзников, но те, уже вызванные Спартой на следую-

щий месяц, не пожелали – как и сами спартанцы – выступить во время Карнея. Однако некоторые союзники (возможно, коринфяне) дошли до границы Эпидавра, но не решились вступить на его территорию без достаточных сил. [99] [р. 67]

Тем временем афиняне созвали в Мантинее ещё один конгресс представителей для обсуждения условий [р. 68] мира – возможно, это была инициатива Никия в Афинах, несмотря на сопротивление Алкивиада. Какие ещё делегаты присутствовали, [р. 69] неизвестно, но коринфский посол Евфамид ещё в начале дебатов указал на несообразность созыва мирного конгресса в разгар войны на территории Эпидавра. Это замечание так поразило афинских представителей, что они покинули собрание, убедили аргосцев отступить от Эпидавра, а затем вернулись для возобновления переговоров. Однако притязания сторон остались непримиримыми, и конгресс распался. После этого аргосцы вновь вернулись, чтобы продолжить опустошение Эпидавра, а лакедемоняне, как только закончился Карней, снова выступили к своей пограничной крепости Карию, но вновь были остановлены неблагоприятными жертвоприношениями и вынуждены отступить.

Однако весть об их выступлении достигла Афин, и Алкивиад во главе тысячи гоплитов был отправлен на помощь аргосцам. Но к его прибытию лакедемонское войско уже было распущено, так что его помощь не понадобилась, и аргосцы опустошили около трети территории Эпидавра, прежде чем окончательно её покинули. [100] [р. 70] Эпидаврийцы

получили подкрепление около конца сентября в виде отряда из трехсот лаконских гоплитов под командованием Агесиппида, переброшенных морем без ведома афинян. Аргосцы громко жаловались на это в Афинах, и у них были веские основания упрекать своих союзников в небрежности за то, что те не обеспечили должного морского дозора на своей соседней базе на Эгине и позволили врагу войти в гавань Эпидавра. Но они выдвинули и другую, несколько необычную претензию. В договоре между Афинами, Аргосом, Элидой и Мантинеей было оговорено, что ни одна из четырех сторон не допустит прохода войск через свою территорию без общего согласия всех. При этом море считалось частью территории Афин, так что афиняне нарушили этот пункт договора, позволив лакедемонянам переправить войска морем в Эпидавр. В качестве компенсации за эту несправедливость аргосцы потребовали, чтобы Афины вернули мессенян и илотов из Кефаллени в Пилос и позволили им опустошать Лаконию. Под влиянием Алкивиада афиняне согласились на это требование, сделав приписку у подножия стелы, на которой был записан их союз со Спартой, о том, что лакедемоняне не соблюдали своих клятв. Тем не менее, они воздержались от формального расторжения договора со Спартой или иного его нарушения. [101] Таким образом, отношения между Афинами и Спартой формально оставались мирными и союзническими, поскольку прямых действий против территорий друг друга не предпринималось; но фактически

это была вражда, проявлявшаяся как в военных действиях, так и в маневрах против друг друга в качестве союзников третьих сторон.

Аргосцы, продолжавшие свои набеги на земли Эпидавра всю осень, зимой предприняли безуспешную попытку штурмовать сам город. Хотя крупных сражений не произошло, а были лишь отдельные стычки, в некоторых из которых эпидаврийцы даже [стр. 71] одерживали верх, они все же терпели серьезные лишения и настойчиво зывали к помощи Спарты. Раздраженные этим, а также все более усиливавшимся отчуждением и охлаждением со стороны других пелопоннесских государств, лакедемоняне решили следующим летом собрать силы и вернуть утраченные позиции. [102]

К июню (418 г. до н. э.) они выступили в полном составе, включая как свободных граждан, так и илотов, под предводительством царя Агиса против Аргоса. К ним присоединились на марше тегейцы и другие аркадские союзники, в то время как остальные союзники близ Истма – беотийцы, мегарцы, коринфяне, сикионцы, флиунтцы и прочие – должны были собраться во Флиунте. Численность этих союзников была весьма значительной: например, беотийцы выставили пять тысяч гоплитов, а коринфяне – две тысячи. Кроме того, у беотийцев было пять тысяч легковооруженных, пятьсот всадников и пятьсот пеших воинов, сражавшихся вместе с конницей. Численность остальных войск, включая самих

спартанцев, неизвестна; вероятно, даже Фукидид не располагал этими данными, поскольку в другом месте он отмечает обычную для лакедемонян скрытность в вопросах, касающихся численности войск (как, например, в последующей битве при Мантинее).

Аргосцы, осведомленные о сборе сил спартанского союза, сначала двинулись к Мантинее, где к ним присоединились войска этого города, а также три тысячи элейских гоплитов. Затем они встретили лакедемонян на марше у Метидрия в Аркадии. Обе армии расположились на противоположных холмах, и аргосцы решили атаковать Агиса на следующий день, чтобы не дать ему соединиться с союзниками во Флиунте. Однако он избежал этого боя, ночью снялся с позиций, достиг Флиунта и благополучно соединился с остальными силами.

В отличие от случая с Амомфаретом перед битвой при Платеях, когда тот отказался отступать перед врагом, едва не поставив под угрозу всю армию, в этот раз ни один лохарг (командир лоха) в спартанском войске не проявил подобного упрямства. Отсутствие подобного инцидента можно считать свидетельством того, что [стр. 72] лакедемоняне стали лучше разбираться в требованиях реальной войны. Как только наутро стало известно об отступлении лакедемонян, аргосцы также покинули свою позицию и двинулись со своими союзниками сначала к самому Аргосу, а затем к Немее, на обычную дорогу из Коринфа и Флиунта в Аргос, по которой, как

они предполагали, приблизятся захватчики. Но Агис поступил иначе. Разделив свои силы на три части, он сам с лакедемонянами и аркадянами, выбрав короткий, но очень трудный и опасный путь, пересёк горный хребет и спустился прямо на равнину близ Аргоса. Коринфяне, пелленцы и флиасийцы получили приказ следовать другой горной дорогой, которая выходила на ту же равнину в другом месте, в то время как беотийцы, мегарцы и сикионцы шли более длинным, ровным и обычным путём через Немею. Этот маршрут, хотя и казался удобным и часто используемым, на значительном протяжении проходил через узкое ущелье, называемое Третом, ограниченное с обеих сторон горами.

Объединённая армия под командованием Агиса значительно превосходила аргосцев численностью. Но если бы все войска шли одной колонной по часто используемому пути через узкий Трет, их численное превосходство оказалось бы бесполезным, тогда как аргосцы заняли бы выгодную позицию для обороны. Разделив свои силы и выбрав горную дорогу для своего отряда, Агис вышел на равнину Аргоса в тыл аргосской позиции у Немеи. Он рассчитывал, что, увидев, как он опустошает их земли близ города, аргосцы немедленно оставят выгодную позицию у Немеи, чтобы атаковать его на равнине. В этом случае беотийский отряд смог бы беспрепятственно пройти через Немею и Трет и выйти на равнину Аргоса, где их многочисленная конница могла бы эффективно действовать против аргосцев, занятых атакой на Агиса.

Этот тройной манёвр был исполнен. Агис со своим отрядом и коринфяне со своим перешли горы и вышли на аргосскую равнину ночью, в то время как аргосцы, [103] узнав на рассвете, что он близ их города, опустошает Саминф и другие места, покинули позицию у Неми, чтобы спуститься на равнину и атаковать его. На марше у них произошла небольшая стычка с коринфским отрядом, который занял возвышенность непосредственно над аргосской равниной и находился почти на их пути. Однако этот бой не имел решающего значения, и вскоре аргосцы оказались на равнине близ Агиса и лакедемонян, которые стояли между ними и их городом.

С обеих сторон войска были выстроены и готовы к битве. Но положение аргосцев было, по сути, почти безнадёжным: в то время как Агис и его отряд находились у них впереди, коринфский отряд мог ударить им во фланг, а беотийцы, двигаясь по незащищённой дороге через Трет, атаковали бы их с тыла. Беотийская конница также могла действовать на равнине с полной эффективностью, поскольку ни Аргос, ни Элида, ни Мантинея, по-видимому, не имели собственной кавалерии – род войск, который должен был быть прислан из Афин, хотя по неизвестной причине афинский контингент ещё не прибыл. Тем не менее, несмотря на это критическое положение, аргосцы и их союзники были полны уверенности и рвались в бой, думая только об отряде Агиса прямо перед ними, который, казалось, был зажат между ни-

ми и их городом, и не обращая внимания на других грозных врагов на флангах и в тылу.

Однако аргосские стратеги лучше солдат понимали реальную опасность, и как раз перед тем, как армии должны были сойтись, Алкифрон, проксен лакедемонян в Аргосе, вместе с Фрасиллом, одним из пяти аргосских стратегов, без какого-либо совета или ведома своей армии вступил в переговоры с Агисом. Они убеждали Агиса не начинать битву, заверяя, что аргосцы готовы дать и получить справедливое удовлетворение по всем претензиям, которые лакедемоняне могут выдвинуть против них, и заключить на будущее справедливый мир. Агис, немедленно согласившись с предложением, предоставил им четырёхмесячное перемирие для выполнения обещанного. Он также принял это решение, не посоветовавшись ни со своей армией, ни с союзниками, лишь переговорив [стр. 74] наедине с одним из спартанских должностных лиц рядом с ним. Тотчас же он отдал приказ об отступлении, и армия, вместо того чтобы вступить в бой, была выведена с территории Аргоса по Немейской дороге, по которой как раз входили беотийцы.

Однако потребовалась вся привычная дисциплина лакедемонских воинов, чтобы заставить их подчиниться этому приказу спартанского царя, столь неожиданному и нежеланному. [104] Войска полностью осознавали как огромные преимущества своей позиции, так и подавляющую силу вторгшейся армии, так что все три отряда громко осуждали Агиса

и испытывали стыд от столь позорного отступления. И когда они все собрались в единый отряд у Немеи перед тем, как разойтись по домам – увидев перед собой всю свою численность и полное снаряжение одной из лучших эллинских армий, когда-либо собиравшихся, – аргосские союзники, перед которыми они теперь отступали, казались жалкими в сравнении, и они расходились с ещё более горячим и всеобщим негодованием против царя, предавшего их дело.

По возвращении домой Агис подвергся не меньшим упрёкам со стороны спартанских властей, чем со стороны своей армии, за то, что упустил столь прекрасную возможность покорить Аргос. Это было, несомненно, заслуженно, но с немалым удивлением мы читаем, что аргосцы и их союзники, вернувшись, были ещё более разгневаны на Фрасилла, [105] обвиняя его в предательстве и упущении верной победы. У них действительно были основания, согласно принятой практике, осуждать его за заключение перемирия без согласия народа. По обычаю, возвращаясь из похода, они проводили публичный военный суд перед входом в город у места, называемого Харидром, или зимним потоком близ стен, для разбора преступлений и проступков, совершённых в армии. На этот раз их гнев против Фрасилла был так велик, что они едва согласились даже предать его суду и начали забрасывать камнями. Ему пришлось искать спасения у алтаря, после чего воины всё же судили его и приговорили к конфискации имущества. [106] Очень скоро прибыл ожидаемый афин-

ский отряд, который, вероятно, должен был прийти раньше: тысяча гоплитов и триста всадников под командованием Лахета и Никострата. Алкивиад прибыл в качестве посла, вероятно, служа также среди всадников. Хотя аргивяне были недовольны Трасиллом, они всё же чувствовали себя обязанными соблюдать перемирие, заключённое им, и их должностные лица потребовали, чтобы вновь прибывшие афиняне ушли. Более того, Алкивиаду даже не разрешили приблизиться и выступить перед народным собранием, пока мантинейские и элейские союзники не настояли на том, чтобы это, по крайней мере, не было запрещено.

Тогда было созвано собрание, в котором участвовали эти союзники вместе с аргивянами. Алкивиад горячо доказывал, что недавнее перемирие с лакедемонянами недействительно, поскольку оно было заключено без ведома всех союзников, в явное нарушение условий союза. Поэтому он призвал их немедленно возобновить военные действия вместе с подкреплением, прибывшим вовремя. Его речь так убедила собрание, что мантинейцы и элейцы сразу согласились присоединиться к нему в походе против аркадского города Орхомена; аргивяне, хотя сначала и колебались, вскоре последовали за ними.

Орхомен был важным пунктом не только потому, что его земли граничили с Мантиней с севера, но и потому, что лакедемоняне оставили там заложников, взятых из аркадских городов и деревень в обеспечение верности. Однако его сте-

ны находились в плохом состоянии, и после недолгого сопротивления жители капитулировали. Они согласились стать союзниками Мантинеи, дать заложников в подтверждение верности этому союзу и выдать заложников, оставленных у них Спартой. [107]

Воодушевлённые первым успехом, союзники обсуждали, что предпринять дальше: элейцы настойчиво предлагали идти на Лепрей, а мантинейцы стремились атаковать своего врага и соседа – Тегею. Аргивяне и афиняне [стр. 76] предпочли последнее, несравненно более важное предприятие. Но элейцы, возмущённые отказом от их предложения, покинули войско и ушли домой.

Несмотря на их уход, оставшиеся союзники продолжили действовать вместе у Мантинеи, готовя нападение на Тегею, где у них была сильная партия сторонников, уже разработавшая план и готовившаяся провозгласить отложение города от Спарты. [108] Однако филолаконские тегейцы спасли положение, отправив срочное послание в Спарту и получив быструю помощь.

Лакедемоняне, возмущённые известием о сдаче Орхомена, вновь излили свой гнев на Агиса, угрожая ему суровым наказанием: разрушением его дома и штрафом в сто тысяч драхм (около двадцати семи с двумя третями аттических талантов). Он умолял дать ему возможность искупить свою плохую репутацию каким-либо смелым поступком, обещая, что если не сможет, то пусть его накажут как угодно. Штраф

был отменён, но власть царя впервые в спартанской конституции была ограничена: теперь он не мог вести войско единолично – для этого требовалось согласие совета из десяти человек. [109]

К счастью для Агиса, вскоре пришло срочное сообщение о готовящемся отпадении Тегеи – важнейшего союзника Спарты, расположенного у её границ. Эта новость вызвала такую тревогу, что всё боеспособное население немедленно выступило на помощь городу под предводительством Агиса – это был самый быстрый марш, когда-либо совершённый лакедемонскими воинами. [110] Достигнув Орестия в Аркадии, они, возможно, узнали, что опасность несколько уменьшилась, и отправили обратно в Спарту шестую часть войска (самых старших и младших воинов) для защиты города. Остальные двинулись к Тегее, где к ним быстро присоединились аркадские союзники.

Кроме того, они отправили послов к коринфянам, беотийцам, фокейцам и локрам, требуя немедленного прибытия их отрядов в область Мантинеи. Однако даже при максимальной усердии этих городов прибытие подкреплений не могло произойти без задержки, тем более что, по-видимому, они могли попасть в область Мантинеи только через Аргос, [111] что было небезопасно до их объединения.

Поэтому Агис, стремясь восстановить свою репутацию, немедленно двинулся с лакедемонянами и присутствующими аркадскими союзниками в область Мантинеи и занял по-

зицию у Гераклеона (храма Геракла), [112] откуда начал опустошать окрестные земли. Аргивяне и их союзники вскоре выступили из Мантинеи, расположились рядом с ним, но на очень пересечённой и труднопроходимой местности, и предложили сражение. Несмотря на сложность позиции, Агис построил войско и повёл его в атаку. Его безрассудство на этот раз могло бы причинить столько же вреда, как его необдуманная уступка Трасиллу под Аргосом, если бы один старый спартаец не крикнул ему, что он теперь просто пытается «лечить зло злом».

Агис, поражённый этим своевременным предупреждением (или же более близким видом позиции, которую он собирался штурмовать), внезапно остановил войско и приказал отступить, хотя находился от врага на расстоянии не дальше броска дротика. [113] [стр. 78]

Его маневр теперь был направлен на то, чтобы выманить аргосцев с труднодоступной позиции, которую они занимали. На границе между Мантинеей и Тегеей – обе расположены на возвышенной, но замкнутой равнине, дренируемой лишь катабофрами, естественными подземными каналами в горах – находился источник, регулярный сток которого, по видимому, поддерживался совместными усилиями обоих городов для их взаимной выгоды. Туда Агис теперь повел свое войско, намереваясь перенаправить воду в сторону Мантинеи, где она могла нанести серьезный ущерб; он рассчитывал, что мантинейцы и их союзники непременно спустятся

со своей позиции, чтобы помешать этому. Однако никакая хитрость не была нужна, чтобы склонить последних к такому решению.

Как только они увидели, что лакедемоняне, подойдя к подножию холма, сначала внезапно остановились, затем отступили и наконец исчезли из виду, их изумление было чрезвычайно велико: и вскоре это изумление сменилось презрительной уверенностью и нетерпением преследовать бегущего врага. Полководцы, не разделяя такой уверенности, сначала колебались покинуть безопасную позицию, из-за чего войска начали роптать и громко обвинять их в измене за то, что они во второй раз позволили лакедемонянам спокойно уйти, как это уже было под Аргосом. Вероятно, это были уже не те самые полководцы, которые незадолго до этого подверглись незаслуженной критике за свое соглашение с Агисом: но нынешние упреки, едва ли менее несправедливые, заставили их, не без немалого стыда и замешательства, отдать приказ о наступлении. Они оставили холм, спустились на равнину, чтобы приблизиться к лакедемонянам, и весь следующий день провели в построении в боевом порядке, чтобы быть готовыми к схватке в любой момент.

Тем временем выяснилось, что Агис был разочарован результатами своих действий с водой. Он либо не нанес столь значительного ущерба, либо не посеял столько страха, как ожидал, и потому прекратил попытки, снова выступив в поход, чтобы вернуться на свою позицию у Гераклеона, пред-

полагая, что враги по-прежнему удерживают холм. Однако во время этого марша он внезапно столкнулся с аргосским и союзным войском там, где меньше всего ожидал их увидеть: они были не только на равнине, но уже выстроились в идеальном [стр. 79] боевом порядке. Мантинейцы занимали правое крыло – место почета, поскольку сражение происходило на их земле; рядом с ними стояли их зависимые аркадские союзники; затем – отборный «тысячный» полк Аргоса, состоявший из знатных и богатых граждан, обученных военному делу за счет государства; рядом с ними – остальные аргосские гоплиты с их союзниками из Клеон и Орней; наконец, на левом фланге располагались афиняне – как гоплиты, так и всадники.

Агис и его войско были поражены, увидев это неожиданное зрелище. Для любого другого грека, кроме лакедемонян, внезапное появление грозного врага вызвало бы чувство ужаса, от которого было бы трудно оправиться; и даже лакедемоняне в этот момент испытали мгновенный шок, не имевший аналогов в их прежнем опыте. [114] Но теперь они в полной мере ощутили преимущества своей суровой подготовки, привычки к воинской дисциплине, а также особой системы подчинения командиров, которая была уникальной для них в Греции. В других греческих армиях приказы объявлялись воинам глашатаем, получавшим их лично от полководца; каждая таксис (рота) имела своего таксиарха, но тот не получал приказы отдельно от главнокомандующе-

го и, по-видимому, не нес личной ответственности за их исполнение солдатами. Подчиненная и ответственная военная власть не признавалась.

У лакедемонян, напротив, существовала строгая иерархия военного командования с четкой ответственностью: «командиры командиров», каждый из которых отвечал за исполнение приказов. [115] Любой приказ исходил от спартанского царя (если он присутствовал) и передавался полемархам (каждый командовал морой – крупнейшим воинским подразделением), которые доводили его до лохагов (полковников) соответствующих лохов. Те, в свою очередь, отдавали приказ пентеконтерам (капитанам пентекостий), а те – эномотархам, командовавшим низшим подразделением, эномотией. Таким образом, воин получал приказы только от эномотарха, который первым отвечал за свою эномотию; но пентеконтер и лохаг также несли ответственность за свои более крупные подразделения (пентекостия включала четыре эномотии, а лох – четыре пентекостии, по крайней мере, в данном случае). Всевозможные военные маневры были хорошо знакомы лакедемонянам благодаря их непрерывным тренировкам, так что их армии сочетали быстроту исполнения приказов с системностью командования.

Поэтому, даже застигнутые врасплох и впервые в жизни вынужденные строиться под прицелом врага, они лишь проявили тем больше рвения [116] и поспешности в исполнении приказов Агиса, переданных через цепочку командиров. Бо-

своей порядок был восстановлен быстро и слаженно.

Крайний левый фланг лакедемонского строя по древней привилегии занимали скириты – горцы пограничного района Лаконии, соседствовавшие с аркадскими паррасиями, по видимому, к востоку от Эвроты, близ его истоков. Эти люди, изначально аркадцы, теперь составляли особую категорию лаконских периеков, обладая особыми обязанностями и привилегиями. Считавшиеся одними из храбрейших и наиболее активных воинов Пелопоннеса, они обычно шли в авангарде при наступлении; спартанцев даже обвиняли в том, что они безрассудно подвергали скиритов чрезмерной опасности и тяготам. [117]

Рядом со скиритами (числом шестьсот) стояли вольноотпущенники-илоты, недавно вернувшиеся из Фракии, где служили под началом Брасида, и неодамоды – вероятно, вызванные из Лепрея, где, как упоминалось ранее, они были поселены. За ними, в центре всей линии, располагались семь лакедемонских лохов с зависимыми аркадскими союзниками – герейцами и меналийцами. Наконец, на правом фланге находились тегейцы, а на самом краю, как почетное место, – небольшой отряд лакедемонян. На обоих флангах находились немногочисленные лакедемонские всадники. [118]

Фукидид, с откровенностью, повышающей ценность его свидетельств там, где он высказывается положительно, сообщает нам, что не может точно указать численность ни одной из армий. Очевидно, это умолчание вызвано не отсут-

ствием попыток узнать истину, но тем, что ни один из полученных им ответов не показался ему достоверным: крайняя секретность спартанской политики исключала возможность точных данных об их численности, тогда как пустые хвастовства других греков были не менее обманчивы.

Не имея точных сведений об общей численности, историк приводит некоторые общие данные, доступные любому исследователю, а также факты, которые мог наблюдать очевидец. По его словам, доктор Тирлуолл и другие с некоторой вероятностью предполагают, что он сам присутствовал при битве, хотя в каком качестве – определить невозможно, поскольку он был изгнанником.

Во-первых, он указывает, что спартанское войско казалось многочисленнее вражеского. Далее он сообщает, что, не считая скиритов на левом фланге (числом шестьсот человек), остальной спартанский фронт до крайнего правого фланга состоял из четырехсот сорока восьми человек, причем каждая эномотия выстроилась в четыре шеренги. Что касается глубины строя, эномотии не были все одинаковы, но в большинстве случаев шеренги насчитывали по восемь человек. Всего было семь лохов (не считая скиритов); каждый лох включал четыре пентекостии, а каждая пентекостия – четыре эномотии. [119] Умножив четыреста сорок четыре на восемь и прибавив шестьсот скиритов, мы получим в общей сложности четыре тысячи сто восемьдесят четыре гоплита, не считая нескольких всадников на каждом флан-

ге. О легковооруженных воинах ничего не сказано. Я не доверяю подобным расчетам, но итоговая цифра меньше, чем можно было ожидать, учитывая, что спартанцы выступили из Спарты всем своим войском по срочному призыву и отправили домой лишь одну шестую часть – самых старых и самых молодых воинов.

Не похоже, чтобы аргосские полководцы пытались атаковать, пока спартанский строй еще не был завершен. Согласно греческому обычаю, им необходимо было воодушевить своих воинов речью, и пока эти речи произносились, спартанцы, вероятно, успели построиться. Мантинейские командиры напомнили своим согражданам, что предстоящая битва решит, останется ли Мантиней свободным и влиятельным городом с зависимыми аркадскими территориями, как сейчас, или снова попадет под власть Спарты. Аргосские вожди подчеркивали, [стр. 83] что у Аргоса теперь есть шанс вернуть утраченное господство в Пелопоннесе и отомстить своему злейшему врагу и соседу. Афинских воинов призвали доказать, что они достойны храбрых союзников, с которыми теперь сражаются плечом к плечу, а также защитить свои земли и империю, разгромив врага в Пелопоннесе.

Характерная особенность спартанского духа ярко проявилась в том, что к ним не было обращено подобных речей ни Агисом, ни другими командирами. «Они знали (пишет историк [120]), что долгая подготовка к войне – лучшая гарантия, чем красивые слова в последний момент». Как среди

профессиональных воинов, храбрость подразумевалась сама собой, без особых призывов; но среди них слышались взаимные указания, чтобы добиться идеального боевого порядка, который, вероятно, поначалу не был таковым из-за поспешного построения. Кроме того, в рядах распевали военные песни, возможно, Тиртея. Наконец, был дан сигнал к атаке: многочисленные флейтисты – наследственная каста в Спарте – заиграли, и войско двинулось медленно, размеренно и в ногу с музыкой, без разрывов и колебаний в строю. Резким контрастом этому выверенному шагу выглядели действия противника: не имея флейтистов или других музыкальных инструментов, [121] они бросились в атаку стремительно и даже яростно, еще воодушевленные только что произнесенными речами.

Общей тенденцией всех греческих армий при столкновении было движение не строго прямо, а несколько [стр. 84] вправо. Крайние правые фланги обеих армий задавали такой наклон, стремясь прикрыть незащищенную сторону, и по той же причине каждый воин в строю держался ближе к щиту соседа справа. Отсюда видно, что при равной численности правый фланг был не только почетным местом, но и более безопасным. Так вышло и на этот раз, даже спартанская дисциплина не избавилась от этой проблемы. Хотя спартанский фронт из-за превосходства в численности был шире вражеского, их правые ряды все же посчитали нужным еще больше сместиться вправо, значительно охватив афинян

на противоположном левом фланге. В то же время мантинейцы, стоявшие на правом фланге, из-за той же склонности выдвигать левое плечо вперед, охватили – хотя и не так сильно – скиритов и брасидовцев на спартанском левом фланге.

Царь Агис, находившийся в центре с лохами, ясно видел, что при сближении армий его левый фланг неизбежно окажется под ударом сбоку, а возможно, и с тыла. Поэтому он счел необходимым изменить построение даже в этот критический момент, рассчитывая на безупречную дисциплину, выучку и медленное движение своих воинов.

Естественным способом предотвратить надвигающуюся угрозу было бы перебросить отряд с крайнего правого фланга, где он был не слишком нужен, на крайний левый – против наступающих мантинейцев. Однако древняя привилегия скиритов, которые всегда сражались отдельно на крайнем левом фланге, запрещала такой приказ. [122] Поэтому Агид дал сигнал брасидейцам и скиритам совершить фланговый манёвр влево, чтобы выровнять фронт с мантинейцами; а чтобы заполнить образовавшийся в линии разрыв, он приказал двум полемархам – Аристоклу и Гиппоноиду, чьи лохи находились на крайнем правом фланге, – отступить назад и занять позицию справа от брасидейцев, тем самым восстановив линию. Однако эти два полемарха, занимавшие самое безопасное и выгодное место в строю, предпочли остаться на нём, послушавшись его прямого приказа. В итоге Агид, увидев, что они не двигаются, был вынужден

отправить второй приказ, отменяющий фланговый манёвр скиритов и предписывающий им вернуться в центр, на прежнюю позицию. Но выполнить этот второй приказ до столкновения армий уже не успели: скириты и брасидейцы были атакованы в беспорядке и отрезаны от своего центра. Мантинейцы, застав их в таком состоянии, разбили и отбросили их назад, в то время как «избранная тысяча» аргосцев, ворвавшись в разрыв между брасидейцами и лакедемонским центром, ударила им во фланг и довершила их поражение. Они были обращены в бегство и преследовались вплоть до обоза лакедемонян в тылу; некоторые из старших воинов, охранявших обоз, были убиты, а весь левый фланг лакедемонян полностью рассеян.

Однако победившие мантинейцы и их союзники, думая лишь о том, что происходило прямо перед ними, потратили драгоценное время, когда их помощь была срочно нужна на другом участке. На лакедемонском центре и правом фланге дела обстояли совсем иначе: там Агид со своей личной охраной из трёхсот избранных юношей, называемых «всадниками» (гиппеями), и со спартанскими лохами столкнулся в лобовом бою с центром и левым флангом противника – с аргосцами, их старшими воинами и так называемыми «пятью лохами», с клеонейцами и орнеатами, зависимыми союзниками Аргоса, а также с афинянами. Над всеми этими войсками лакедемоняне одержали полную победу, причём после недолгого сопротивления, а на некоторых участках –

и вовсе без него. Настолько грозными были вид и имя лакедемонян, что противостоящие им войска отступали, даже не скрестив копий, причём в такой стремительной панике, что давили друг друга в попытке бежать. [123] Будучи разбитыми с фронта, они попали под фланговый удар тегейцев и лакедемонян с правого фланга армии Агида, и афиняне [р. 87] здесь оказались в серьёзной опасности быть полностью уничтоженными, если бы их не выручила собственная конница, находившаяся рядом. [р. 88] Более того, Агид, одержав решительную победу и отбросив их, был менее склонен их преследовать, чем вернуться на помощь своему разбитому левому флангу, так что даже афиняне, оказавшиеся под ударом и с фланга, и с фронта, смогли отступить в безопасности. Мантинейцы и аргосская «тысяча», хотя и победившие на своём участке, увидев остальную часть своей армии в беспорядочном бегстве, не горели желанием возобновлять бой против Агида и победоносных лакедемонян. Они лишь пытались отступить, что, однако, не обошлось без тяжёлых потерь, особенно среди мантинейцев; и Агид мог бы полностью предотвратить их отход, если бы лакедемонская система, подкреплённая на этот раз советами старого спартанца по имени Фаракс, не предписывала воздерживаться от длительного преследования разбитого врага. [124]

В этой битве пали семьсот аргосцев, клеонейцев и орнеатов; двести афинян, включая обоих стратегов – Лахета и Никострата; и двести мантинейцев. Потери лакедемо-

нян, хотя они так и не были точно известны из-за обычной секретности их государственных дел, оценивались примерно в триста человек. Они обобрали вражеских павших, выставив на обоз захваченное оружие и отобрав часть для трофея; затем собрали своих мёртвых и унесли для погребения в Тегее, предоставив побеждённым врагам обычное перемирие для захоронения. Плейстоанакт, второй спартанский царь, дошёл до Тегеи с подкреплением, состоявшим из старших и младших граждан; но, узнав о победе, вернулся домой. [125]

Вот каково было важное сражение при Мантинее, произошедшее в июне 418 г. до н. э. Его влияние на всю Грецию оказалось огромным. Численность войск с обеих сторон была весьма значительной для греческой армии того времени, хотя, по-видимому, и не столь большой, как в битве при Делии пятью годами ранее; однако количество и величие государств, чьи войска участвовали в сражении, превосходило Делийскую битву. Но особую ценность этому бою придавало то, что он разом смыл прежнее пятно [с. 89] со спартанской чести. Катастрофа на Сфактерии, разбившая все прежние ожидания, навлекла на Спарту обвинения едва ли не в трусости; были и другие события, которые с куда большим основанием заклеили её как глупую и отсталую. Однако победа при Мантинее заставила умолкнуть всю эту уничижительную критику и вернула Спарте её прежнее положение военного превосходства перед лицом Греции. Эффект оказался

тем сильнее, что победа была всецело плодом лакедемонской доблести, почти без помощи того особого умения и тактики, обычно считавшихся их отличительной чертой, но в данном случае проявившихся сравнительно слабо. Манёвр Агиса, сам по себе не лишённый смысла и направленный на расширение его левого фланга, провалился из-за неповиновения двух строптивых полемархов; но в подобных случаях позор неудачи ложится в той или иной степени на всех участников, и ни полководец, ни воины не могли считаться проявившими при Мантинее то профессиональное мастерство, благодаря которому лакедемонян называли «мастерами военного дела». Тем ярче проявилась лакедемонская храбрость. После того как левый фланг был разбит, а аргосская «тысяча» ворвалась в образовавшийся разрыв между левым флангом и центром – так что они могли бы, да и должны были бы, если бы проявили благоразумие, ударить по центру с фланга – войска центра, вместо того чтобы прийти в смятение, как поступило бы большинство греческих армий, двинулись вперёд против врага и одержали полную победу. Таким образом, последствия битвы оказались огромными: она восстановила репутацию лакедемонян и вновь возвела их на древнюю ступень владык Пелопоннеса. [126]

Неудивительно, что два полемарха, Аристокл и Гиппонид, чьё неповиновение едва не привело к гибели армии, по возвращении в Спарту были судимы и изгнаны как трусы. [127]

Если взглянуть на битву с другой стороны, [с. 90] можно

отметить, что поражение во многом было вызвано своеволием элейцев, отозвавших свои три тысячи воинов непосредственно перед сражением из-за того, что остальные союзники вместо похода на Лепрей предпочли атаковать куда более важный город Тегею: это лишний раз подтверждает слова Перикла в начале войны о том, что многочисленные и равные по силе союзники никогда не смогут действовать в гармонии. [128] Вскоре после поражения три тысячи элейцев вернулись на помощь Мантинее – вероятно, сожалея о своём неудачном уходе – вместе с подкреплением из тысячи афинян. Кроме того, наступил месяц карнея, время, которое лакедемоняне строго соблюдали как священное: они даже отпустили гонцов отозвать своих внепелопоннесских союзников, призванных перед последней битвой, [129] и оставались в пределах своей территории, так что поле боя на время оказалось свободным для действий побеждённого врага.

Таким образом, эпидаврийцы, хотя и совершили набег на земли Аргоса во время отсутствия основных аргосских сил в ходе последней битвы и добились частичного успеха, теперь увидели свою территорию опустошённой объединёнными силами элейцев, мантинейцев и афинян, которые осмелились даже начать возводить осадную стену вокруг самого Эпидавра. Вся работа была распределена между ними, но здесь особенно ярко проявилось превосходство афинян в активности и упорстве. В то время как их часть работы – укрепление мыса, на котором стоял Герайон, храм Геры –

велась неустанно и была быстро завершена, их союзники, и элейцы, и мантинейцы, оставили свои участки работ, охваченные нетерпением и раздражением. Из-за этого от идеи окружения пришлось отказаться, и в новой крепости на мысе Герайон был оставлен общий гарнизон, после чего союзники покинули земли Эпидавра. [130] До сих пор казалось, что лакедемоняне извлекли мало положительной пользы из своей недавней победы, но её плоды вскоре проявились в самом центре вражеских сил – в Аргосе. После битвы при [стр. 91] Мантинее в этом городе произошли значительные изменения в политических настроениях. Там всегда существовала оппозиционная партия, филолаконская и антидемократическая, и поражение при Мантинее укрепило её, одновременно ослабив противников. Демократические лидеры, которые в союзе с Афинами и Алкивиадом стремились сохранить господство в Пелопоннесе, враждебное и равное, если не превосходящее Спарту, теперь видели свои расчёты разрушенными и вынуждены были думать лишь о самообороне против победоносного врага. И если эти лидеры потеряли влияние из-за провала своей внешней политики, то простые демократические воины Аргоса вернулись с поля битвы при Мантинее с чувством унижения и страха перед лакедемонским оружием.

Но избранный Аргосский полк Тысячи вернулся с совершенно иными чувствами. Одержав победу над левым крылом противника, они даже не были серьёзно задержаны при

отступлении лакедемонским центром. Таким образом, они стяжали подлинную славу, [131] и, несомненно, презирали своих побеждённых сограждан.

Ранее уже упоминалось, что эти Тысяча состояли из людей богатых семей и лучшего военного возраста, выделенных аргосской демократией для постоянного обучения за государственный счёт – как раз в тот момент, когда после Никиева мира начали проявляться амбициозные планы Аргоса. Пока Аргос мог стать или оставаться гегемоном Пелопоннеса, эти Тысяча богатых граждан, вероятно, находили своё достоинство в поддержке такого статуса и потому мирились с демократическим правлением. Но когда поражение при Мантинее отбросило Аргос к его прежним границам и поставило в оборонительное положение, ничто уже не сдерживало их естественных олигархических настроений, и они стали решительными противниками демократического правительства в его бедственном положении.

Олигархическая [стр. 92] партия в Аргосе, ободрённая и усилившаяся, вступила в сговор с лакедемонянами, чтобы привести город к союзу со Спартой и свергнуть демократию. [132]

Первым шагом к исполнению этого плана стал поход лакедемонян в конце сентября с полными силами до Тегеи, угрожая вторжением и сея страх в Аргосе. Из Тегеи они отправили послом Лиха, проксена аргосцев в Спарте, с двумя альтернативными предложениями: одно – о мире, которое он

должен был предложить и склонить аргосцев принять, если сможет; другое – угрожающего характера, на случай их отказа. План олигархической фракции заключался в том, чтобы сначала ввести город в союз с Лакедемоном и разорвать связь с Афинами, прежде чем предпринимать какие-либо изменения в управлении.

Прибытие Лиха стало сигналом для них открыто выступить, настойчиво требуя принятия его мирного предложения. Но им пришлось столкнуться с сильным сопротивлением, поскольку Алкивиад, всё ещё находившийся в Аргосе, прилагал все усилия, чтобы сорвать их планы. Лишь присутствие лакедемонского войска в Тегее и общее уныние народа позволили им в конце концов добиться своего и принять предложенный договор, который, будучи уже утверждённым спартанской эkkлесией, был отправлен в Аргос в готовом виде и там одобрен без изменений.

Условия договора были в основном следующими:

«Аргосцы вернут заложников – мальчиков, полученных ими от Орхомена, и мужчин-заложников от маналийцев. Они возвратят лакедемонянам людей, находящихся сейчас в Мантинее, которых лакедемоняне поместили под стражу в Орхомене и которых аргосцы и мантинейцы увезли оттуда. Они выведут войска из Эпидавра и разрушат недавно построенную там крепость. Афиняне, если они также не немедленно покинут Эпидавр, будут объявлены врагами как Лакедемона, так и Аргоса и их союзников. Лакедемоняне вернут

всех заложников, которых сейчас содержат, из каких бы мест они ни были взяты.

Относительно жертвы, которую, как утверждается, эпидаврийцы должны принести Аполлону, аргосцы согласятся предложить им клятву, и если те её принесут, то очистят себя. [133]

Каждый город в Пелопоннесе, малый или великий, будет автономным и свободным сохранять свой древний государственный строй.

Если какой-либо внепелопоннесский город выступит против Пелопоннеса с враждебными замыслами, Лакедемон и Аргос совместно примут меры, наиболее справедливые для интересов всех пелопоннесцев.

Внепелопоннесские союзники Спарты будут находиться в таком же положении по отношению к этому договору, как и союзники Лакедемона и Аргоса в Пелопоннесе, и сохранят свои права тем же образом.

Аргосцы покажут этот договор своим союзникам, которые смогут присоединиться к нему, если пожелают. Но если союзники потребуют иных условий, аргосцы отошлют их прочь». [134] [стр. 94]

Вот каково было соглашение, заранее подготовленное лакедемонянами и отправленное в Аргос, где его буквально приняли. Оно предусматривало лишь номинальную взаимность, налагая на Спарту лишь одно незначительное обязательство, но достигало её цели, фактически разрывая союз

Аргоса с тремя его союзниками.

Однако для олигархической партии в Аргосе этот договор был лишь прелюдией к серии дальнейших действий. Как только он был заключён, угрожающая армия Спарты была отозвана из Тегеи, и её место заняли свободные и мирные отношения между лакедемонянами и аргосцами. Вероятно, в то же время удалился и Алкивиад, тогда как новые визиты и гостеприимство лакедемонян в Аргосе ещё более укрепили влияние их партии. Вскоре они стали достаточно сильны, чтобы убедить аргосское народное собрание официально отказаться от союза с Афинами, Элидой и Мантинеей и заключить отдельный договор со Спартой на следующих условиях:

«Между лакедемонянами и аргосцами на пятьдесят лет устанавливаются мир и союз – на равных условиях – причём каждая сторона обязуется мирно удовлетворять, согласно своим установленным законам, все жалобы, выдвигаемые другой стороной. На тех же условиях остальные пелопоннесские города должны участвовать в этом мире и союзе, сохраняя свою территорию, законы и независимое государственное устройство. Все внепелопоннесские союзники Спарты будут поставлены в равное положение с самими лакедемонянами. Союзники Аргоса также будут уравнены в правах с самим Аргосом, сохраняя свои владения нерушимыми. Если возникнет необходимость в совместных военных действиях, лакедемоняне и аргосцы должны совещаться между собой, принимая наиболее справедливые решения в интересах сво-

их союзников. Если какой-либо из городов, входящих в этот договор – будь то в Пелопоннесе или за его пределами – окажется вовлечён в спор о границах или иных вопросах, он обязан вступить в мирное урегулирование. [135] Если один союзный город поссорится с другим, дело должно быть передано на рассмотрение третьего города, приемлемого для обеих сторон. Каждый город должен вершить правосудие среди своих граждан согласно своим древним законам».

Заметим, что в этом договоре спорный вопрос о главенстве был обойдён или сведён к компромиссу. Лакедемон и Аргос поставлены на равную ногу в отношении совместных решений для общего союза: только они двое будут решать, не советуясь с остальными союзниками, хотя и обязуются учитывать их интересы. В договоре также прослеживается политика Лакедемона, направленная на обеспечение автономии всем малым государствам Пелопоннеса, тем самым разрушая владычество Элиды, Мантиней или любого другого более крупного государства, имеющего зависимые территории. [136]

Соответственно, мантинейцы, оказавшись покинутыми Аргосом, были вынуждены подчиниться Спарте, вновь вступив в число её союзников, отказавшись от власти над своими аркадскими подданными и выдав заложников из их числа, согласно условиям договора между Лакедемоном и Аргосом. [137] Что касается Элиды, лакедемоняне, по-видимому, не стали предпринимать дальнейших действий. Уже завла-

дев Лепреем – благодаря поселенцам-брасидейцам, – они, возможно, не желали снова раздражать элейцев из-за страха вторично быть исключёнными из Олимпийских игр.

Между тем заключение союза с Лакедемоном – около ноября или декабря 418 г. до н. э. – ещё более подавило народных лидеров в Аргосе. Олигархическая фракция и отборный полк Тысячи, состоявший из людей знатных и богатых, связанных общей военной подготовкой, теперь ясно видели путь к насильственному роспуску демократии и осуществлению переворота. Воодушевлённые такими честолюбивыми замыслами и лестной идеей совместного главенства со Спартой, они с крайней горячностью приняли новую политику города и сразу же стали умножать поводы для столкновений с Афинами.

Совместные посольства лакедемонян и аргосцев были отправлены во Фракию и Македонию. С халкидянами Фракии, отпавшими подданными Афин, старый союз был возобновлён и даже заключены новые соглашения, тогда как Пердикка Македонский был вынужден отказаться от своих договоров с Афинами и присоединиться к новой конфедерации. В тех краях влияние Аргоса было значительным, поскольку македонские цари высоко ценили своё древнее происхождение от Аргоса, что делало их частью эллинской семьи. Соответственно, Пердикка согласился на требование и заключил новый договор, хотя, по своему обычному коварству, настаивал на том, чтобы этот шаг пока сохранялся в тайне от Афин.

В дальнейшем следуя новому курсу враждебности к Афинам, совместные посольства были отправлены и туда с требованием, чтобы афиняне покинули Пелопоннес, и особенно – оставили недавно возведённый форт близ Эпидавра. Похоже, он удерживался совместно аргосцами, мантинейцами, элейцами и афинянами, и поскольку последние составляли лишь меньшинство, афиняне в городе сочли благоразумным отправить Демосфена, чтобы вывести их. [139] Этот полководец не только обеспечил отступление, но и устроил хитрость, придав ему видимость чуть ли не успеха. По прибытии в форт он объявил гимнастические состязания вне ворот для развлечения всего гарнизона, ухитрившись задержать афинян внутри, пока все остальные не вышли. Затем, быстро заперев ворота, он завладел укреплением. [р. 97] Однако, не имея намерения удерживать его, он вскоре передал его самим эпидаврийцам, с которыми возобновил перемирие, заключённое ими совместно с лакедемонянами пять лет назад, за два года до Никиева мира. [140] Способ действий Афин в отношении сдачи крепости, по-видимому, был продиктован желанием выразить своё недовольство аргосцами. Это было именно то, чего больше всего хотели сами аргосские вожди и олигархическая партия: разрыв с Афинами стал бесповоротным, и их планы по насильственному свержению собственной демократии теперь созрели. Они договорились со Спартой о совместной военной экспедиции –

по тысяче гоплитов от каждого города (первой совместной экспедиции по новому союзу) – против Сикиона, с целью внедрения ещё более последовательной олигархии в уже олигархическое сикионское правительство. Возможно, в Сикионе постепенно набирала силу некоторая демократическая оппозиция, но этот город, насколько нам известно, всегда придерживался олигархической политики и пассивно сохранял верность Спарте. Поэтому, вероятно, совместное предприятие против Сикиона было не более чем предложением [стр. 98] для введения тысячи лакедемонских гоплитов в Аргос, куда объединённый отряд немедленно вернулся после завершения дел в Сикионе. Усилившись таким образом, олигархические лидеры и избранная Тысяча в Аргосе силой подавили демократический строй в городе, перебили демократических вождей и полностью захватили власть. [141]

Эта революция, совершённая около февраля 417 г. до н. э., ставшая результатом победы при Мантинее и кульминацией спланированной Спартой политики, подняла её влияние в Пелопоннесе на более высокий и бесспорный уровень, чем когда-либо прежде. Города Ахайи пока ещё не были достаточно олигархическими для её целей (возможно, из-за похода Алкивиада двумя годами ранее), и теперь она переустроила их правительства в соответствии со своими взглядами. Новые правители Аргоса были послушны ей не только из олигархической солидарности, но и из-за необходимости в её помощи для подавления внутренних восстаний против

себя. Таким образом, во всём полуострове не осталось ни врагов, ни даже нейтралов, способных противодействовать Спарте или поддерживать Афины.

Однако спартанское господство в Аргосе не было долговечным. Хотя во многих греческих городах олигархии долго держались благодаря приверженности традициям и управлению опытных людей, олигархия, установленная силой на руинах демократии, редко существовала долго. Гневное недовольство народа, подавленное временным устрашением, обычно возрождалось и угрожало безопасности правителей, вынуждая их к подозрительности и, вероятно, жестокости. Но жестокость была не их единственным недостатком: освободившись от демократических ограничений, они не могли сдерживать ни свои страсти, ни алчность. В Аргосе, где население во всех слоях было сравнительно грубым и жестоким (более похожим на Керкиру, чем на [стр. 99] Афины), такое злоупотребление властью было неизбежно скорым и вопиющим. Особенно отличился избранный полк Тысячи – мужчины в расцвете сил, гордящиеся своей воинской доблестью и богатством, которые восприняли новую олигархическую власть как период личной вседозволенности. Поведение и судьба их предводителя Бриаса иллюстрируют нравы этого отряда. После множества других насилий над людьми бедного состояния он однажды встретил на улице свадебную процессию, где невеста привлекла его внимание. Он приказал вырвать её из толпы, отвёл в свой дом и овла-

дел ею силой. Но среди ночи эта гордая женщина отомстила за насилие, выколов глаза насильнику, пока он крепко спал: [142] ужасная месть, которую женщины иногда могли осуществить с помощью заострённых булавок своей одежды. [143] Ей удалось бежать, и она нашла укрытие среди друзей, а также защиту у народа, несмотря на попытки Тысячи отомстить за своего лидера.

Из-за подобных инцидентов и множества мелких унижений, неизбежно сопутствующих такому бесчинству, неудивительно, что демос Аргоса вскоре восстановил утраченную смелость и решил свергнуть олигархических угнетателей. Они дождались момента, когда в Спарте праздновались Гимнопедии – праздник, на котором хоровые выступления мужчин и мальчиков были так тесно связаны со спартанской религией и физической подготовкой, что лакедемоняне не предпринимали военных действий до их завершения. В этот критический момент аргосский демос поднял восстание и после ожесточённой схватки одержал победу над олигархами, часть которых была перебита, а остальные спаслись бегством. Уже при первых признаках опасности к Спарте были отправлены срочные просьбы о помощи. Но лакедемоняне сначала категорически [стр. 100] отказались прерывать праздник. Только после того, как гонцы один за другим стали сообщать о критическом положении их союзников, они неохотно прервали торжества и двинулись к Аргосу. Но было уже поздно: драгоценный момент упущен. В Те-

гее их встретило известие, что их сторонники разгромлены, а Аргос в руках победившего народа. Тем не менее, бежавшие изгнанники ещё обещали успех, настойчиво умоляя их продолжить поход, но лакедемоняне отказались, вернулись в Спарту и возобновили прерванный праздник. [144]

Так была свергнута олигархия в Аргосе, просуществовав около четырех месяцев [145] – с февраля по июнь 417 г. до н.э., а избранный Тысячный полк был либо распущен, либо уничтожен. Это движение вызвало большое сочувствие в нескольких пелопоннесских городах [146], где начали опасаться чрезмерного преобладания Спарты. Тем не менее, аргосский демос, хотя и победивший внутри города, чувствовал себя настолько неуверенно в своих силах, что отправил послов в Спарту, чтобы оправдаться и умолять о снисхождении: этот шаг доказывает, что восстание было стихийным, а не подстрекаемым Афинами. Однако послы изгнанных олигархов также прибыли туда, и лакедемоняне после долгих прений, признав демос виновным, объявили о решении отправить войска для его подавления. Тем не менее, обычная медлительность лакедемонян помешала немедленным или самостоятельным действиям. Требовалось созвать союзников, ни один из которых не горел особым рвением к этому делу, особенно в тот момент, когда приближалась пора жатвы; таким образом, прошло около трех месяцев, прежде чем удалось собрать реальные силы. [стр. 101]

Этот важный промежуток времени аргосский демос ис-

пользовал с пользой. Поскольку им было ясно дано понять, что Спарта отныне лишь враг, они немедленно возобновили союз с Афинами. Видя в них свою главную опору, они начали строительство Длинных стен, чтобы соединить город с морем и обеспечить постоянную дорогу для поставок и подкреплений из Афин на случай, если превосходящие силы спартанцев заставят их укрыться за стенами. Все население Аргоса – мужчины и женщины, свободные и рабы – с огромным рвением взялось за работу, а Алкивиад прислал из Афин [147] помощь, особенно нужных им опытных каменщиков и плотников. Вероятно, этот шаг был его инициативой, так как двумя годами ранее он уже убеждал жителей Патр предпринять нечто подобное. Однако возведение стен, достаточных для обороны, на протяжении четырех с половиной миль между Аргосом и морем [148], требовало много времени. Более того, олигархическая партия внутри города, а также изгнанники за его пределами – побежденные, но не уничтоженные – настойчиво убеждали лакедемонян положить конец строительству и даже обещали поднять контрреволюционное восстание в городе, как только те приблизятся для помощи. Это была та же самая интрига, которую сорок лет назад затеяла олигархическая партия в Афинах, когда возводились стены до Пирея [149].

Итак, около конца сентября 417 г. до н.э. царь Агис повел войско лакедемонян и союзников против Аргоса, загнал население внутрь города и разрушил уже возведенную часть

Длинных стен. Однако олигархи внутри не смогли выполнить свои обязательства и поднять восстание, так что ему пришлось отступить, ограничившись разорением территории и захватом города Гиссии, где он казнил всех свободных граждан, попавших в его руки. После его ухода аргосцы ответили опустошением соседней области Флиунта, где в основном проживали изгнанники из Аргоса [150]. [стр. 102]

Близость этих изгнанников, открытая поддержка Спарты и непрекращающиеся заговоры олигархической партии внутри стен держали аргосскую демократию в постоянном беспокойстве и тревоге всю зиму, несмотря на недавнюю победу и подавление опасного Тысячного полка. Чтобы частично избавить их от затруднений, Алкивиад ранней весной был отправлен туда с афинским войском и двадцатью триерами. Его друзья и гостеприимцы, по-видимому, теперь возглавляли демократическое правительство, и по их совету он отобрал триста видных олигархов, которых увез и разместил на различных афинских островах в качестве заложников для умирения партии (416 г. до н.э.). Аргосцы также предприняли еще один опустошительный поход во владения Флиунта, но понесли лишь потери.

А около конца сентября лакедемоняне снова собрались во второй поход против Аргоса. Однако, дойдя до границы, они обнаружили, что жертвоприношения (которые всегда совершались перед выходом за пределы своей территории) оказались столь неблагоприятными, что им пришлось

вернуться и распустить войско. Аргосские олигархи, несмотря на недавно взятых заложников, ожидали этого лакедемонского войска и планировали восстание – или, по крайней мере, их подозревали в этом настолько, что некоторых схватили и заключили под стражу, а другим удалось бежать [151].

Однако позже той же зимой лакедемоняне оказались удачливее с пограничными жертвоприношениями, вторглись в аргосские земли вместе с союзниками (кроме коринфян, отказавшихся участвовать) и разместили аргосских олигархов-изгнанников в Орнеях. Но вскоре после ухода лакедемонского войска аргосская демократия при поддержке афинских подкреплений снова изгнала их оттуда [152]. [стр. 103] Сохранение обновлённого демократического правительства Аргоса как против внутренних, так и против внешних врагов было важной политической задачей для Афин, поскольку это создавало основу для формирования антилакедемонской партии в Пелопоннесе, которую впоследствии можно было расширить. Однако на тот момент аргосский союз был скорее обузой и истощением для Афин, нежели источником силы, – совсем иное, чем те блестящие надежды, которые он подавал до битвы при Мантинее, надежды на то, чтобы лишить Спарту её господства внутри Истма. Примечательно, что, несмотря на полное отчуждение между Афинами и Спартой – и продолжающиеся взаимные враждебные действия в косвенной форме, пока каждая из них действовала как союзник третьей стороны, – тем не менее ни одна

из них не решалась официально отказаться от клятвенного союза или стереть запись, высеченную на каменной стеле. Обе стороны избегали провозглашения истинного положения дел, хотя каждые полгода они фактически приближались к нему.

Так, в течение лета 416 г. до н.э. афинский и мессенский гарнизоны в Пилосе активизировали свои набеги на Лаконию, возвращаясь с богатой добычей; в ответ лакедемоняне, хотя и не разрывая союза, публично заявили о готовности выдавать, если можно так выразиться, каперские свидетельства любому желающему для нападения на афинскую торговлю. Коринфяне также, по причинам частного конфликта, начали военные действия против афинян. [153] Тем не менее Спарта и её союзники формально оставались в мире с Афинами: афиняне отвергли все настойчивые предложения аргосцев высадиться где-либо в Лаконии и учинить опустошения. [154] Более того, свобода частных контактов между гражданами ещё не была ограничена. Не приходится сомневаться, что афиняне были приглашены на Олимпийские игры 416 г. до н.э. (91-я Олимпиада) и отправили туда своё официальное посольство наряду со спартанцами и другими дорийскими греками.

Теперь, когда они вновь стали союзниками Аргоса, афиняне, вероятно, узнали гораздо больше, чем прежде, о тайных сношениях прежнего аргосского правительства с македонским царём Пердиккой. Однако последствия этих интриг

проявились ещё раньше в поведении этого правителя, который, будучи союзником Афин, обязался содействовать запланированной на весну или лето 417 г. до н.э. экспедиции Никия против фракийских халкидян и Амфиполя, но затем отказался от сотрудничества, разорвал союз с Афинами и сорвал весь план кампании. В ответ афиняне установили морскую блокаду македонских портов, объявив Пердикку врагом. [155]

Прошло почти пять лет после поражения Клеона, но никаких новых попыток вернуть Амфиполь не предпринималось; упомянутый замысел, по-видимому, был первым. Действия афинян в отношении этого важного города ясно демонстрируют недостаток мудрости у их ведущих политиков – Никия и Алкивиада, а также ошибочные тенденции среди граждан, которые, как мы увидим, постепенно приведут их империю к краху. Среди всех владений за пределами Аттики ни одно не было столь ценным, как Амфиполь: центр важного торгового и рудодобывающего региона, расположенный на большой реке и озере, которые афинский флот мог легко контролировать, и на который они имели справедливые права, поскольку это была их первоначальная колония, основанная их мудрейшим государственным деятелем – Периклом. Он был утрачен лишь по причине непростительной халатности их полководцев, и после этой потери можно было ожидать, что Афины направят все свои силы на его возвращение; тем более что, будучи отвоёван, он мог быть надёжно удержан в бу-

душем. Клеон – единственный из ведущих политиков, кто сразу заявил своим согражданам важную истину: Амфиполь никогда не удастся вернуть иначе как силой. Он настойчиво убеждал их приложить необходимые военные усилия и частично добился своего, но попытка позорно провалилась – отчасти из-за его собственной некомпетентности как командующего (независимо от того, взял ли он на себя эту обязанность добровольно или по принуждению), отчасти из-за сильного противодействия и неприязни к нему со стороны значительной части сограждан, что лишило войска энтузиазма в этом предприятии.

Затем Никий, Лахет и Алкивиад совместно заключают мир и союз с лакедемонянами, прямо обещая и намереваясь добиться возвращения Амфиполя. Но после серии дипломатических действий, в которых Никий проявил глупую доверчивость, а Алкивиад – корыстный обман, становится очевидно (как и настаивал Клеон), что мир не вернёт им Амфиполь и что его можно отбить только силой. Теперь явно проявляется роковой недостаток Никия: инертность характера и неспособность к решительным или энергичным действиям. Когда он понял, что был переигран спартанской дипломатией и ввёл своих сограждан в заблуждение, заставив их пойти на серьёзные уступки в расчёте на будущие компенсации, можно было ожидать, что он, охваченный раскаянием, бросит все силы – и свои, и государства – на возвращение утраченных владений, которые обещал, но не принёс

мир. Вместо этого он не предпринимает никаких эффективных шагов, в то время как Алкивиад начинает демонстрировать недостатки своего политического характера – ещё более опасные, чем у Никия: страсть к эффектным, ненадёжным, безграничным и даже рискованным новшествам.

Лишь в 417 г. до н.э., после поражения при Мантинее, положившего конец политическим авантюрам Алкивиада внутри Пелопоннеса, Никий планирует экспедицию против Амфиполя – и даже тогда лишь при условии помощи Пердикки, правителя, известного своим вероломством. Однако, как доказало поражение Клеона, вернуть город можно было только полномасштабными военными усилиями. Эти события дают нам ясное представление о внешней политике Афин в этот период, во время так называемого Никиева мира, подготавливая нас к печальной катастрофе, которая развернётся в последующих главах, когда государство окажется на грани гибели из-за сочетания недостатков Никия и Алкивиада – ибо, по злой иронии судьбы, Афины так и не смогли воспользоваться достоинствами ни того, ни другого. [стр. 104—106]

Это произошло в одном из трех лет между 420—416 гг. до н. э., хотя мы не знаем точно в каком, когда был проведен остракизм, вызванный противостоянием Никия и Алкивиада. [156] Политическая вражда между ними достигла крайней степени накала, и было предложено провести голосование об остракизме. Это предложение – вероятно, внесенное

сторонниками Никия, поскольку Алкивиад с большей вероятностью мог считаться опасным – было принято народом. Гипербол, изготовитель ламп, сын Херема, оратор, пользовавшийся значительным влиянием в народном собрании, активно поддержал эту инициативу, ненавидя Никия не меньше, чем Алкивиада. Гипербола Аристофан называет преемником Клеона в роли главного демагога на Пниксе: [157] если это верно, то его предполагаемое демагогическое влияние началось около сентября 422 г. до н. э., после смерти Клеона. Однако задолго до этого он был одной из главных мишеней комедиографов, которые приписывали ему ту же низость, бесчестность, наглость и злобность в обвинениях, что и Клеону, хотя их выражения указывают на меньшую степень его влияния. Можно сомневаться, достиг ли Гипербол когда-либо такого же влияния, какое имел Клеон, учитывая, что Фукидид ни разу не упоминает его в важных дебатах, происходивших во время и после Никиева мира. Фукидид упоминает его лишь однажды, в 411 г. до н. э., когда он находился в изгнании по приговору остракизма и проживал на Самосе. Он называет его «неким Гиперболом, ничтожным интриганом, подвергнутому остракизму не из-за опасений перед его чрезмерным влиянием и властью, а из-за его порочности и позора, который он навлекал на город». [158] Это высказывание Фукидида – единственное свидетельство против Гипербола, ибо так же несправедливо, как и в случае с Клеоном, принимать шутки и клевету комедии за до-

стоверные факты и надежную критику. На Самосе Гипербол был убит олигархическими заговорщиками, стремившимися свергнуть демократию в Афинах. У нас нет конкретных фактов о нем, которые позволили бы проверить общую характеристику, данную Фукидидом.

К моменту, когда в Афинах было принято решение провести голосование об остракизме, вызванное политическим конфликтом между Никием и Алкивиадом, прошло около двадцати четырех лет с момента последнего подобного голосования; последним случаем был остракизм Перикла и Фукидида, сына Мелесия, причем последний был изгнан около 442 г. до н. э. Демократический строй уже достаточно укрепился, чтобы необходимость в остракизме как средстве защиты от узурпаторов значительно уменьшилась. Кроме того, теперь существовала полная уверенность в способности многочисленных дикастериев справляться даже с самыми опасными преступниками, что ослабляло как реальную, так и воспринимаемую необходимость в подобных превентивных мерах. В этих условиях, учитывая изменившиеся реалии и настроения, неудивительно, что нынешний остракизм, хотя мы и не знаем обстоятельств, непосредственно предшествовавших ему, обернулся злоупотреблением или даже пародией на древний предупредительный институт. В разгар ожесточенной партийной борьбы сторонники Алкивиада, вероятно, приняли вызов Никия и согласились поддержать голосование об остракизме, надеясь избавиться от оп-

понента. Голосование было назначено, но прежде чем оно состоялось, [стр. 108] приверженцы обеих сторон пересмотрели свои взгляды и предпочли позволить политическому конфликту продолжаться, не устранив его путем удаления противников. Однако, раз уж решение о проведении остракизма было официально принято, его уже нельзя было отменить. При этом остракизм всегда оставался общим по форме, допуская изгнание любого гражданина. В результате две противоборствующие партии, каждая из которых, несомненно, включала различные гетерии, а по некоторым сведениям, и сторонники Феака, объединились, чтобы направить голос против третьего – Гипербола. [159] Действуя сообща, они набрали достаточное количество голосов против него, и он был отправлен в изгнание. Но такой исход никем не предполагался, когда голосование было назначено, и Плутарх даже пишет, что народ встретил это решение аплодисментами, как удачную шутку. Однако вскоре все, включая, по-видимому, даже врагов Гипербола, признали это грубым извращением остракизма. И сам Фукидид ясно дает понять это: даже если допустить, что Гипербол полностью заслуживал высказанного историком осуждения, никто не мог считать его присутствие опасным для государства; да и остракизм не был введен для борьбы с низостью или порочностью. К тому времени он уже выходил из политической практики Афин, и этот приговор окончательно похоронил его, так что в дальнейшем мы больше не слышим о его применении. В прежние време-

на он был крайне ценен как гарантия безопасности развивающейся демократии против узурпации власти и опасного обострения соперничества между лидерами, но теперь демократия окрепла настолько, что могла обойтись без такой исключительной меры. Хотя, если бы Алкивиад вернулся с победой из Сицилии, весьма вероятно, что афинянам не осталось бы иного средства, кроме превентивного остракизма, чтобы спастись от его деспотизма.

В начале лета (416 г. до н. э.) афиняне предприняли осаду и завоевание дорийского острова Мелос, [стр. 109] одного из Киклад, единственного, кроме Феры, не входившего в их империю. Мелос и Фера были древними колониями Лакедемона, с которым их связывали крепкие узы родства. Они никогда не вступали в Делосский союз и не имели никаких отношений с Афинами, но в то же время не участвовали и в недавней войне против нее, не давая ей никаких поводов для жалоб, [160] пока она не высадилась и не атаковала их на шестой год войны. Теперь Афины возобновили попытку, отправив против острова значительные силы под командованием Клеомеда и Тиссия: тридцать афинских триер, шесть хиосских и две лесбосских, тысяча двести афинских гоплитов, тысяча пятьсот гоплитов от союзников, триста лучников и двадцать конных лучников. Эти военачальники, высадив войска и заняв позиции, отправили послов в город с требованием сдаться и стать подвластным союзником Афин.

Это была практика, распространённая, если не повсемест-

ная, в Греции, даже в государствах, не являющихся откровенно демократическими – обсуждать предложения о мире или войне перед народным собранием. Но в данном случае мелийские властители отошли от этой практики и допустили послов лишь к частной беседе со своим исполнительным советом. Эту беседу Фукидид заявляет, что излагает подробно и тщательно, с удивительной пространностью, учитывая его обычную краткость. Он приводит тринадцать отдельных замечаний с таким же количеством ответов, которыми обменялись афинские послы и мелийцы; ни одно из них не является длинным, а некоторые очень кратки; но диалог выстроен драматично и очень впечатляюще.

Действительно, есть все основания полагать, что то, что мы читаем у Фукидида, в гораздо большей степени является его собственным изложением и в меньшей – подлинным отчётом, чем любая из других речей, которые он якобы приводит. Ибо это была не публичная речь, о которой он мог бы собрать воспоминания многих людей: это была частная беседа, в которой, возможно, участвовали трое или четверо афинян и, может быть, десять или двенадцать мелийцев. Поскольку всё мелийское население было перебито не [р. 110] медленно после взятия города, оставались лишь афинские послы, через чей рассказ Фукидид мог узнать о действительно происходившем.

Я не сомневаюсь, что он слышал от них или через них общий характер беседы, но нет оснований полагать, что он

получил от них что-либо похожее на последовательный ход дебатов, который, вместе с частью пояснительных рассуждений, мы должны отнести на счёт его драматического гения и композиции.

Афинянин начинает с того, что ограничивает предмет обсуждения взаимными интересами обеих сторон в их нынешнем положении, несмотря на стремление мелийцев расширить круг тем, вводя соображения справедливости и апеллируя к чувствам беспристрастных судей. Он не станет тратить слова на доказательства законности основания Афинской империи, созданной после изгнания персов, или на перечисление обид как предлога для нынешней экспедиции. Он также не станет слушать доводов мелийцев о том, что они, будучи колонистами Спарты, никогда не сражались на её стороне и не причиняли вреда Афинам. Он настаивает, чтобы они стремились к достижимому в данных обстоятельствах, ибо они знают так же, как и он, что справедливость в рассуждениях людей определяется равным принуждением с обеих сторон: сильные делают то, что позволяет их сила, а слабые подчиняются. [161]

На [р. 111] это мелийцы отвечают, что – опуская все апелляции к справедливости и говоря лишь о целесообразности – они считают даже выгодным для Афин не разрушать общий нравственный закон человечества, а позволить, чтобы право и справедливость оставались прибежищем для людей в беде, с некоторой снисходительностью даже к тем, кто не мо-

жет обосновать свою правоту в полной мере. Более всего это в интересах самих Афин, ибо их гибель, если она случится, будет ужасна как для них в качестве наказания, так и для других в качестве урока.

– «Мы не боимся этого (ответили афиняне), даже если наша империя будет свергнута. Не имперские города, подобные Спарте, жестоко обращаются с побеждёнными. Кроме того, наша нынешняя борьба ведётся не против Спарты; это борьба за то, подчинятся ли подданные своим правителям. Этот риск мы вправе оценивать сами; а пока напомним вам, что мы пришли сюда ради пользы нашей империи и говорим сейчас ради вашей безопасности, желая подчинить вас без труда для себя и сохранить вас для взаимной выгоды».

– «Не можете ли вы оставить нас в покое, позволив быть вашими друзьями, а не врагами, но не союзниками ни вам, ни Спарте?» – спросили мелийцы.

– «Нет (был ответ), ваша дружба вредит нам больше, чем вражда: в глазах наших подданных союзников она свидетельствует о нашей слабости, а ваша вражда продемонстрирует нашу силу».

– «Но разве ваши подданные действительно настолько [р. 112] справедливы, что ставят нас, не имеющих с вами никакой связи, на один уровень с собой, большинство из которых – ваши же колонисты, а многие даже восставали против вас и были завоёваны вновь?»

– «Да, ибо они считают, что и те, и другие имеют рав-

ные основания требовать независимости, и если вы остаётесь независимыми, то лишь благодаря вашей силе и нашему страху перед вами. Так что ваше подчинение не только расширит нашу империю, но и укрепит нашу безопасность повсюду, особенно учитывая, что вы – островитяне, да ещё и слабые, а мы – владыки моря».

– «Но разве это обстоятельство не защищает вас в ином смысле, демонстрируя вашу умеренность? Ведь если вы нападёте на нас, то сразу же встревожите всех нейтралов и превратите их во врагов».

– «Мы мало боимся континентальных городов, находящихся вне нашей досягаемости и вряд ли выступят против нас, но островитян – да; либо ещё не вошедших в нашу империю, как вы, либо уже в неё входящих, но недовольных её гнётом. Именно такие островитяне, по своей неразумной упёртости, могут с открытыми глазами ввергнуть и нас, и себя в опасность».

– «Мы хорошо понимаем (сказали мелийцы после ещё нескольких обменов репликами), как ужасно бороться против вашего превосходства в силе и удаче; тем не менее, мы верим, что в отношении удачи боги будут к нам справедливы, ибо мы стоим на стороне права против несправедливости. А что касается нашего бессилия, мы надеемся, что его восполнит наша союзница Спарта, чьи родственные узы заставят её из самого стыда помочь нам».

– «Мы тоже (ответили афиняне) считаем, что в боже-

ственной милости не окажемся хуже других. Ибо мы не выдвигаем никаких притязаний и не совершаем поступков, выходящих за пределы того, во что люди верят относительно богов и чего желают для себя. Наши представления о богах совпадают с тем, что мы видим в действиях людей: природа влечёт их по необходимости господствовать над тем, что слабее. Это принцип, которым мы руководствуемся, – не мы первые его установили или последовали ему, но он существует и будет существовать вечно, и мы хорошо знаем, что вы или другие на нашем месте поступили бы так же.

Что же до ваших надежд на лакедемонян, основанных на их позоре, если они [р. 113] оставят ваш призыв без ответа, мы поздравляем вас с вашей наивной простотой, но в то же время осуждаем такое безрассудство. Ибо лакедемоняне действительно весьма усердны в добродетели относительно себя и своих обычаев. Но, глядя на их поведение с другими, мы прямо заявляем и можем доказать множеством примеров из их истории, что они из всех людей наиболее явно считают приятное – благородным, а полезное – справедливым. Но такое состояние ума не соответствует вашим отчаянным расчётам на спасение». После различных других замечаний, высказанных в подобном же духе, афинские послы, настоятельно призвав мелийцев еще раз обдумать дело более осторожно между собой, удалились, а через некоторое время были вновь вызваны мелийским советом, чтобы услышать следующие слова: «Мы остаемся при том же

мнении, что и прежде, афиняне: мы не предадим свободу города, просуществовавшего уже семьсот лет; мы все же попытаемся спастись, полагаясь на ту благоприятную судьбу, которую боги до сих пор нам даровали, а также на помощь людей, и особенно лакедемонян. Мы просим, чтобы нас считали вашими друзьями, но не враждебными ни одной из сторон, и чтобы вы покинули остров, заключив такое перемирие, которое будет приемлемо для обеих сторон». — «Что ж (сказали афинские послы), вы, кажется, единственные, кто считает будущие случайности более ясными, чем факты перед вашими глазами, и смотрите на неопределенную даль через призму своих желаний, как если бы это была настоящая реальность. Вы поставили все на лакедемонян, на удачу и на тщетные надежды; и со всем этим вы погибнете».

Осада началась немедленно. Вокруг города была возведена стена окружения, строительство которой было распределено между различными союзниками Афин; город был полностью блокирован как с моря, так и с суши, в то время как остальная часть войска отправилась домой. Город оставался в осаде несколько месяцев. За это время осажденные совершили две успешные вылазки, которые принесли им временное облегчение и вынудили афинян отправить дополнительные силы под командованием Филократа. В конце концов запасы провизии иссякли; [стр. 114] среди самих мелийцев начались заговоры с целью предательства, так что они были вынуждены сдаться на милость победителя. Афиняне решили

казнить всех мужчин призывного возраста, а женщин и детей продать в рабство. Фукидид не называет, кто предложил это варварское решение, но Плутарх и другие сообщают, что Алкивиад [162] активно его поддерживал. Позже туда были отправлены пятьсот афинских поселенцев, чтобы создать новую общину: по-видимому, не как клерухов (афинских граждан-колонистов), а как новых мелийцев. [163]

Рассматривая действия афинян по отношению к Мелосу от начала до конца, мы видим один из самых вопиющих и неоправданных актов жестокости, соединенной с несправедливостью, которые встречаются в греческой истории. Оценивая жестокость таких массовых казней, следует помнить, что законы войны полностью отдавали пленного на милость победителя, и афинский гарнизон, если бы он был захвачен коринфянами в Навпакте, Нисее или где-либо еще, несомненно, постигла бы та же участь, если только их не оставили бы для обмена. Но обращение с мелийцами выходит за все рамки военной суровости; ведь они никогда не воевали с Афинами и не совершили ничего, что могло бы навлечь на себя их вражду. Более того, захват острова не представлял для Афин никакой материальной ценности; он не окупил бы даже расходов на экспедицию. И в то время как выгода во всех отношениях была ничтожной, возмущение, вызванное этим событием в греческом мире, нанесло Афинам серьезный урон. Вместо того чтобы укрепить их империю, включив в нее это небольшое островное насе-

ление, до сих пор остававшееся нейтральным и безобидным, это действие лишь усилило ненависть к ним и впоследствии вспоминалось как одно из их главных преступлений.

Удовлетворение имперской гордости новым завоеванием – легким в исполнении, хотя и малозначительным – было, без сомнения, их главным мотивом; вероятно, этому способствовала и досада на Спарту, с которой у Афин царили откровенно враждебные отношения, а также желание унижить Спарту через мелийцев. Эта страсть к новым приобретениям, вытесняющая более разумные надежды на возвращение утраченных частей империи, в последующих главах проявится еще более роковым образом.

Оба эти момента, как можно заметить, ярко выделены в диалоге, изложенном Фукидидом. Я уже отмечал, что этот диалог едва ли может точно передать реальные события, за исключением нескольких общих моментов, которые историк развил в виде выводов и иллюстраций, [164] драматизируя данную ситуацию мощно и характерно. Язык, вложенный в уста афинских послов, – это язык пиратов и разбойников, как давно заметил Дионисий Галикарнасский, [165] выражая подозрение, что Фукидид изложил дело так, чтобы опорочить страну, отправившую его в изгнание. Как бы ни относиться к этому подозрению, можно по крайней мере утверждать, что аргументы, которые он здесь приписывает Афинам, не соответствуют даже недостаткам афинского характера. Афинские ораторы скорее склонны к двусмысленным

формулировкам, умножению ложных предлогов, смягчению слабых сторон своей позиции, приукрашиванию дурных поступков, использованию того, что называется софистикой, когда этого требует их цель. [166] Между тем речь посла на Мелосе, которую иногда приводят как пример аморальности класса или профессии – ошибочно называемой «школой» – софистов в Афинах, прежде всего поражает своей дерзкой откровенностью; презрением не только к софистике в современном смысле слова, но даже [стр. 116] к тем правдоподобным оправданиям, которые можно было бы предложить. Странно рассуждать, будто «старый добрый принцип – что брать должны те, кто имеет силу, а удерживать – те, кто может» – был впервые открыт и открыто провозглашен афинскими софистами; тогда как истинная цель и ценность софистов, даже в современном, худшем смысле слова – если отбросить искажение, связанное с применением этого смысла к тем, кого называли софистами в Афинах – заключается в том, чтобы предоставить правдоподобные доводы для обманчивого оправдания, дабы сильный мог действовать по этому «старому доброму принципу» сколько угодно, но не признавая этого, притворяясь, что поступает честно или мстит за какую-то мнимую несправедливость. Волк в басне Эзопа (о Волке и Ягненке) говорит как софист; афинский посол на Мелосе говорит совершенно не как софист – ни в афинском, ни в современном смысле этого слова; можно добавить – и не как афинянин вообще, как заметил Дио-

НИСИЙ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.